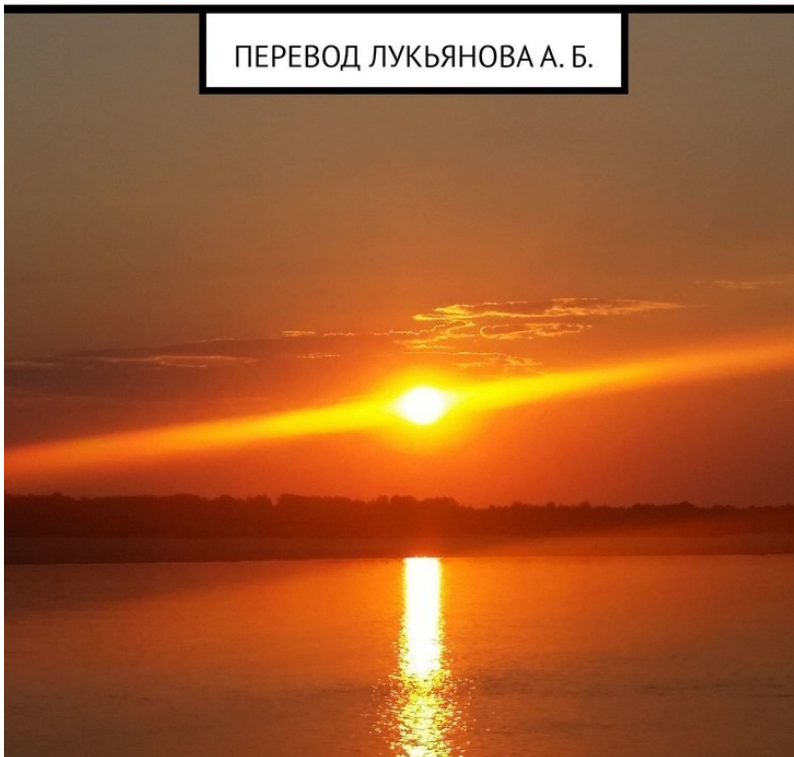

ОМЕР СЕЙФЕТТИН

Рассказы и стихи

ПЕРЕВОД ЛУКЬЯНОВА А. Б.

Омер Сейфеттин

Рассказы и стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69168391

ISBN 9785005992048

Аннотация

В книге представлены рассказы для детей и взрослых. Рассказы для детей основаны на фактах биографии и отражают как смешные, так и трагические события жизни. Большинство рассказов для взрослых написано в сатирико-юмористическом стиле. Часть рассказов посвящена историческим событиям и переломным моментам в жизни турецкого общества в период крушения османской империи. И в наши дни рассказы Омера Сейфеттина актуальны и читаются с большим интересом и любовью.

Содержание

Биография	5
Рассказы	9
Скребница	10
Фалака	17
Первое преступление	29
Клятва	34
Незапятнанная честь	45
Чудо	50
Ревность	54
Вилла с феями	66
Благодетель	77
Подстриженные усы	87
Любовь и пальцы на ногах	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Рассказы и стихи

Омер Сейфеттин

Переводчик А. Б. Лукьянов

© Омер Сейфеттин, 2023

© А. Б. Лукьянов, перевод, 2023

ISBN 978-5-0059-9204-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Биография

Омер Сейфеттин (1884—1920) самый читаемый писатель рассказов в турецкой литературе. По образованию он был военным и преподавателем. Известен, как основатель искусства турецкого короткого рассказа и один из создателей течения турецкого национализма в литературе. Являлся защитником упрощения турецкого языка. Вместил в свою короткую жизнь большое количество произведений. Самое известное произведение – это рассказ «Скребница».

Омер родился в 1884 году в Гёнене (Балыкесире) в черкесской семье Хатко. Хорошо знал адыгейский язык. Он был один из четырёх детей, капитана Омера Шевки и госпожи Фатмы, два из которых умерли в раннем возрасте. Его образование началось в районной школе в Гёнене. В связи с переводом Омера Шевки на другие должности, семья переезжала в Инеболу, Айанджик, а потом переехала в Стамбул. Омер Сейфеттин до 1893 года ходил сначала в османскую школу, а потом в Военную ветеринарную школу. Закончив эту школу в 1896 году, он продолжил обучение в военном училище Эдирны. В 1900 году, закончив училище, он вернулся в Стамбул. Здесь он начал учиться в Шахском военном училище, которое окончил в 1903 году и получил право без экзамена стать выпускником, выехав по поводу беспорядков в так называемый «Контингент быстрого реагирования – 1»,

находящийся в Македонии.

Омер Сейфеттин, после окончания учебного заведения в чине младшего лейтенанта пехоты, был назначен на должность в резервный батальон Кушадасы, входящий в резервную дивизию Измира третьей армии, находящейся в центре Селяника. В 1906 году он был назначен в качестве преподавателя в жандармскую школу Измира. Для Омера Сейфеттина это было важно, потому что он мог вести литературную деятельность в Измире и познакомился с местной молодёжью. Так при знакомстве с западной культурой он увидел стимул для изучения французского языка. Работая над упрощением турецкого языка, он получил важные идеи по литературной тематике.

Омер Сейфеттин в январе 1909 года был переведён на службу в третью армию в Селянике. 11 апреля 1911 года в журнале «Молодые перья» была опубликована без подписи первая передовица Омера Сейфеттина под названием «Новая речь».

Созданная редакционная коллегия журнала «Молодые перья», была вынуждена распуститься в связи с началом Балканской войны. Омер Сейфеттин снова был вызван в армию. Попал в плен в окружении в Яне. Говорят что, во время одногодичного плена в Нафлионе он непрерывно читал. В этот период он написал такие рассказы, как «Махди» (идуший по верному пути, имя двенадцатого имама, пришествие которого ожидается мусульманами, мусульманский мессия),

«Свободные флаги». Эти рассказы он опубликовал на турецкой родине. Читая в период плена, он получил важный опыт для писательской деятельности.

После окончания плена, в 1913 году Омер вернулся в Стамбул. 23 января 1913 года он присоединился к организации Энвера Паши правительства Османской империи. Немного позже он оставил военную службу и начал зарабатывать на жизнь преподавательской и литературной деятельностью. Он создал словарь и написал статьи, в которых высказал свои соображения по турецкому языку и был назначен на должность в главную редакцию журнала «Турецкая речь». В 1914 году приступил к преподавательским обязанностям в Кабаташ Султане и продолжал эту деятельность до своей смерти.

В 1915 году Омер женился на госпоже Джалибе дочери доктора господина Бесима Этхема из партии «Единение и прогресс». Несмотря на рождение дочки по имени Гюнер семья не сложиась и он опять оказался в одиночестве.

С 1917 года до даты смерти 6 марта 1920 года несмотря на то, что Омер много времени горевал и скучал, в этот период он плодотворно трудится над искусством короткого рассказа. Он написал 125 рассказов в 10 книгах. Он публикует рассказы и статьи в газетах «Заман» («Время»), «Вакит» («Пора») и «Ифхам» («Толкование») и журналах таких как «Тюрк Кадыны» («Турецкая женщина»), «Дикен» («Колочка»), «Йени Дунья» («Новый мир»), «Бюйюк Медж-

муа» («Большой сборник»), «Донанма» («Морской флот»), «Шаир» («Поэт»), «Йени Меджмуа» («Новый сборник»). Вместе с этим он продолжает преподавательскую деятельность.

20 февраля 1920 года усилилась болезнь, 4 марта писатель был направлен в больницу. 6 марта 1920 года его глаза закрылись. Омер Сейфеттин был похоронен на кладбище Кушдили Махмуда Бабы перед Кадикёем. Позже, 23 августа 1939 года, его прах был перенесён на кладбище Зинджирку Асри, в связи с необходимостью строительства гаражей и дороги на месте прежнего кладбища.

Его самый близкий друг Али Джанип Йонтем, рассказавший о его жизни и характере, написал книгу под названием «Жизнь Омера Сейфеттина», и эта книга была опубликована в 1935 году. Через короткий период времени все его рассказы были напечатаны в многотомнике. Эти рассказы и в наши дни также читаются с любовью.

Рассказы

«Я из всего, из самых незначительных мыслей, из предложений могу выдумать и рассказ, и большой роман. Искусство создания рассказа и романа не самая маловажная вещь, это такая моя вещь, вокруг которой я возрождал жизнь!..»

Омер Сейфеттин

Скребница

Мы играли во дворе конюшни и слышали печальное журчание ручья, невидимого внизу под серебряными ивами. Наш дом как будто потерялся позади изгороди из больших каштановых деревьев. Я и мой брат Хасан, который был на год младше меня, совсем не отходили от Дадаруха, так как моя мама уехала в Стамбул. Этот конюх нашего отца был взрослым мужчиной. По утрам пораньше мы бежали на конюшню. Лошади были нашим самым любимым занятием. Какое не надоедающее удовольствие было вместе с Дадарухом отводить их к воде, сидеть верхом на их голой спине. Хасан боялся и не мог ездить верхом один. Дадарух сажал его перед собой. Мы получали ещё больше удовольствия, чем от занятой игры, если могли класть в сумки ячмень, наполнять травой ясли, убирать навоз. Особенно нам нравилась чистка шкуры. Это было самое приятное дело. Взяв в руку скребницу, Дадарух начинал работу, тик-так... тик-так... тик-так... точь-в-точь как часы... я не мог устоять на месте и настаивал:

– Я тоже хочу так делать!

Тогда Дадарух, посадив меня на спину Тосуна, давал мне в руку скребницу и говорил:

– Давай, работай!

Эта металлическая штука сильно скребла по коже жи-

вотного, но я не мог извлекать такое слаженное тиканье.

– Он машет своим хвостом?

– Машет.

– Как мне посмотреть?

Я наклонялся и вытягивался, но с крупа лошади хвост не был виден.

Каждое утро я говорил, как только приходил на конюшню:

– Дадарух, я займусь уходом.

– Ты не сможешь это сделать.

– Почему?

– Потому что ты ещё маленький...

– Я сделаю.

– Вот подрастёшь.

– Когда?

– Когда ты станешь ростом с лошадь...

Я не мог один успешно справляться с уходом за лошадыю на работах в конюшне. Мой рост не доходил даже до живота лошади. Тем не менее, это занятие было очень весёлым и очень забавным. Вероятно, равномерное тиканье скребницы нравилось Тосуну, он прижимал свои уши, его хвост раскачивался, как огромная кисточка. Когда полный уход близился к завершению и Тосун беспокоился, тогда Дадарух говорил «хёйт», сильно хлопал его по крупу, потом начинал уход за другими лошадыми. Однажды я остался один. Дадарух и Хасан спустились к берегу реки. Внутри меня проснулось страстное желание заняться чисткой. Я искал скребни-

цу, но не мог найти. В углу конюшни находилась маленькая комната Дадаруха без окон. Я вошёл туда, стал искать полки и увидел что-то среди сёдел. Нет, нет! Под его кроватью стоял сундук из зелёных досок. Я открыл его и чуть было не закричал от радости. Вытащенная из сундука с мамиными подарками скребница, которую прислали из Стамбула неделю назад, ослепительно блестела. Я сразу схватил её, побежал в сторону Тосуна и захотел поскрести его живот. Он забеспокоился. Я подумал:

– Она причиняет боль.

Я посмотрел на зубчики этой красивой скребницы сверкающие, как серебро. Очень колкие и острые. Я начал тереть её о камни стены, чтобы немного затупить их. Когда зубцы затупились, я попробовал снова поскрести. Опять лошадь что-то не устраивало. Я разозлился. Наверно я хотел выместить на скребнице свой гнев, пробежал десять шагов вперёд и положил скребницу на каменную поилку. Найдя самый тяжёлый камень, смог поднять его с земли и начал очень быстро бить по скребнице. Я разбил вдребезги и смял эту красивую скребницу, прибывшую из Стамбула, вдобавок, которую жалел использовать Дадарух. Потом я бросил её внутрь поилки.

Когда мой папа каждое утро выходил из дома, то каждый раз заглядывал на конюшню, ходил туда-сюда. Однажды я опять остался в конюшне один. Хасан был в доме с нашей горничной Первиной. Когда мой папа заглянул в поилку и увидел внутри сломанную скребницу, он крикнул Дадаруху.

ху:

– Иди сюда!

У меня перехватило дыхание, не знаю почему, но я очень испугался. Дадарух растерялся, когда обнаружилась сломанная скребница. Отец спросил его, кто это сделал. Дадарух ответил:

– Не знаю.

Мой папа повернул глаза ко мне, ещё ничего не спрашивая.

Я сказал:

– Хасан.

– Хасан?

– Да, вчера, когда Дадарух спал, он зашёл в комнату. И взял из сундука. Потом разбил её на каменной поилке.

– Почему ты не сообщила Дадаруху?

– Он спал.

– Позови, я поговорю с ним.

Я прошёл через калитку ограды, побежал прямо к дому по затенённой дороге и позвал Хасана. Для него печальней новости не было. Он прибежал за мной. Мой папа был очень суров. Под его взглядом мы сильно испугались. Он сказал Хасану:

– Если солжёшь, то пеняй на себя!

– Я не солгу.

– Ладно, почему ты сломал эту скребницу?

Хасан растерянно посмотрел, остановившись глазами

на предмете в руке Дадаруха. Потом, потрясая белобрысой головой, сказал:

– Я не ломал.

– А я говорю, что ты лжёшь.

– Я не ломал.

Папа сказал:

– Скажи правду, я не рассержусь. Ложь – это очень плохо. Хасан упрямо отрицал. Мой папа разгневался. Папа пошёл, сказал сверху: «Бесстыжий лжец», дал ему пощёчину и крикнул:

– Отведи его в дом. Смотри, не пускай его сюда ещё раз. Пусть всё время сидит с Первиной.

Дадарух взял моего плачущего брата на руки и пошёл прямо к калитке изгороди. Теперь я играл совсем один на конюшне. Хасана держали дома под замком. Моя мама после приезда также не простила его. Когда предоставлялся случай, мой папа говорил: «Он лжец». Хасан тягостно молчал и начинал плакать, когда вспоминал про пощёчину, которую получил. Моя бедная мамочка не давала мне никакой возможности признаться в клевете. Она говорила: «Глупый Дадарух, разве ты не подвергаешь опасности лошадей?»

На следующий год летом моя мама опять уехала в Стамбул. Мы остались одни. Хасану всё ещё было запрещено быть на конюшне. По вечерам в постели он спрашивал меня, выросли или нет жеребята, что они делают у лошадей. Однажды он вдруг заболел. В посёлок была послана лошадь. Приехал

доктор. Он сказал, что это дифтерия. В дом собрались находящиеся на хуторе деревенские женщины. Они принесли несколько полосатых птиц. Зарезав их, они укутали шею моему брату. Мой папа совсем не отходил от изголовья кровати. Дадарух был очень подавлен. Первина плакала навзрыд.

Я спросил:

– Почему ты плачешь?

– Твой брат болен.

– Он выздоровеет.

– Он не выздоровеет.

– А что с ним будет?

– Твой брат умрёт!

– Разве он умрёт?

Я начал тоже плакать. С тех пор как он заболел, я спал рядом с Первиной. Однажды ночью я не мог заснуть. То ли в дрёме, то ли нет, перед моими глазами призрак Хасана говорил: «Клеветник! Клеветник!» и плакал рядом со мной.

Я разбудил Первину и сказал:

– Я пойду к Хасану.

– Зачем?

– Я хочу что-то сказать моему папе.

– Что ты скажешь?

– Я скажу ему, что я сломал скребницу.

– Какую скребницу?

– В прошлом же году. Помнишь, как мой папа сердился на Хасана...

Я не мог договорить свои слова. Глубокие рыдания внутри душили меня. Плача я объяснил всё Первине. Если я расскажу сейчас моему папе, может быть, Хасан услышит и простит меня.

Она сказала:

– Скажешь завтра.

– Нет, я пойду сейчас.

– Сейчас твой папа спит, скажешь завтра утром. Хасан тоже спит. Ты его поцелуешь, поплачешь, они простят тебя.

– Ладно!

– А сейчас давай спи!

Я опять не мог сомкнуть глаз до утра. Как только рассвело, я разбудил Первину. Я встал. Я торопился, чтобы снять угрызения совести, которые мучили меня. Только жаль, что мой бедный невинный брат умер в ту ночь. Мы видели в прихожей плачущего Дадаруха и хуторского имама. Они ждали, когда выйдет мой папа.

Фалака

Каждое утро мы, словно стайка воробьёв, с радостным щебетанием проходили позади Рыночной Мечети перед разрушенными конюшнями жандармерии. Школа находилась немного дальше, впереди, посередине достаточно широкого двора с низким забором. Она была одноэтажной. Большие каштановые деревья, переплетённые друг с другом и возвышающиеся вокруг неё, полностью покрывали тёмной тенью её крышу. Мы, ещё до того, как войти в калитку двора, собирались увидеть и понять, пришёл ли господин учитель в школу:

– Абдурахман Челеби пришёл ли?

– Пришёл, пришёл...

Абдурахман Челеби был ослом господина учителя. Чёрное упрямое животное с дурным нравом... Каждое утро, как и мы, он приходил к школе пораньше, и оставался здесь до вечера. Он потихонечку ел охапки травы, которые мы по очереди приносили из наших домов и клали под деревьями летом, и с левой стороны от места омовения зимой. В школе было привилегией поить его водой или ухаживать за ним. Если кто-то угождал господину учителю, то зарабатывал эту привилегию в качестве награды. Из узкой двери школы можно было выйти на каменную лестницу. Войдя же внутрь класса, на противоположной стороне можно

было увидеть подставку для книг господина учителя. Перед подставкой для книг без движения висела, как маленькое орудие для наказания в виде ужасного странного весла, тяжёлая фалака (орудие наказания – деревяшка, к которой привязывают ноги и потом бьют палками по пяткам) с чёрным ремнём. Нас было сорок мальчишек. Несколько месяцев назад девочек от нас отделили и перевели в другое место. Больше разделения класса не было. Мы вслух рассказывали алфавит, разделы Корана, считали, пели религиозные гимны. Все наши уроки были утомительными. Мы совсем не могли понять смысл слов песен на скучные мелодии. Господин учитель был высоким и крикливым стариком с белой бородой. Зимой и летом без джуббе (одежда, похожая на мантию), как будто всегда был готов к ритуальному омовению, он сидел на своём месте с засученными рукавами и голыми ногами. После обеда он шёл подметать Рыночную Мечеть, когда молодой служащий мечети не приходил вообще. Он также выполнял работу муэдзина (служитель мечети, призывающий с минарета к молитве). Он продавал нам сладости, калёный горох, ветки рожкового дерева и зимовника.

Каждый день я собирался в школу, в которую мы ходили из Гёнена. С самого начала я не боялся ложиться под фалаку!.. Однако однажды пришёл мрачный господин Хаким в сюртуке и брюках. Все закричали:

– Господин начальник уезда! Господин начальник уезда!
Это был противный, высокий, безбородый брюнет. Когда

он вошёл в класс, все мы мгновенно встали по знаку господина учителя. Он попросил нас сесть на свои места, покачав головой и помахав руками, как будто собирался позвать кого-то. Начальник внимательно и всесторонне осматривал нас единственным глазом и захотел, чтобы некоторые из нас почитали вслух. Однако мы не смогли прочитать задание наизусть хором и стройно. Он нахмурился, посмотрел под ноги и покачал головой. Потом его глаза уставились в фалаку, висевшую у господина учителя. Он смотрел и смотрел. Он так внимательно смотрел, как будто в первый раз в своей жизни видел фалаку. Не простившись с нами, повернулся и сказал:

– Господин учитель, не проводите ли Вы меня?

Господин учитель, испугавшись и скрестив руки перед собой в почтительной позе, вышел в сад вслед за господином Хакимом. Мы не узнали, о чём они переговаривались в саду. Однако на следующий день фалаки не стало.

Нам сказали: фалака запрещена. Так сказал господин начальник уезда!

По мере исчезновения страха телесного наказания мы, сорок ребят, так разбуянились, так взбесились, что... Мы пришли в такое состояние, что не сознавали, что делали. Мы уже совсем не слушались учителя, кидались калёным горохом в лицо, заставляли его просить нас быть тише...

Господин учитель, понявший, что не может заставить нас учиться без телесного наказания, наконец, однажды опять вытащил фалаку. На этот раз он не повесил фалаку впереди,

а спрятал её за своим тюфячком, на котором сидел. Однако сейчас если кто провинится, то будет избит ещё больше, чем раньше.

Я очень хорошо помню, что все мы были союзом из сорока ребят. Среди нас не было ни одного способного на предательство. Мы действовали против господина учителя, как единое целое, когда в саду заключили устный союз.

Однажды, внезапно на уроке мы все начали зевать. Господин учитель также начал зевать. Несчастный старик там же и уснул. Тогда вскочив со своих мест, мы взяли коробочку с нюхательным табаком с полки и стали нюхать табак. В школе все начали чихать. Когда господин учитель пробудился от шума, то сразу всё понял. Он спросил, кто украл нюхательный табак. Все единодушно сказали:

– Мы не знаем, мы не знаем.

– Я накажу всех вас на фалаке.

– Мы не знаем, мы не знаем!

– Никто не будет говорить?

– Мы не знаем что, мы не знаем что!..

– Так вы не знаете? Неджип, иди и позови кого-то из мечети для наказания на фалаке, быстро.

Через пятнадцать минут пришёл экзекутор на фалаке. Началась ужасное действие. Кого-то били палкой, кого-то готовили под фалаку.

Все мы по очереди прошли фалаку. Все мы по очереди испытали телесные наказания.

После тех дней господин учитель очень сильно наказал нас за зевание и чихание. До сих пор чихание... если кто-то случайно чихнул, он говорил: «Вы издеваетесь надо мной?» опрокидывал его на землю и бил до бессознательного состояния. Как назло, мне хотелось чихать и зевать без перерыва. Из-за этого я несколько раз подвергался телесным наказаниям. Господин учитель по мере завершения телесного наказания с силой стучал по подставке для книг и кричал:

– Того, кто после этого чихнёт, клянусь, что я забуду до смерти!

– ...

– Клянусь, если кто чихнёт...

«Клянусь!» Это какая клятва? Я спросил свою маму дома. Она покачала головой и сказала:

– Будь умнее, это очень серьёзная клятва!

– Дающий ложную клятву будет наказан?

– Не только.

– А что будет?

– Он будет наказан ещё хуже.

– Как?

– Его жена разведётся с ним.

Я не понял всего и подробно рассказал об этой ужасной клятве ребятам в школе. Но все ребята, словно женатые люди, начали лживо клясться: «Клянусь!» Не было забыто и: «Честное слово и ей-Богу». Господин учитель каждое утро, опускаясь к своей подставке для книг, ничего не забывал

и повторял:

– Если кто чихнёт, того, клянусь, убью!

Однажды после обеденного перерыва мы вошли внутрь одного из помещений школы.

Как всегда, там слышалось протяжное гудение... Я заглянул. Господин учитель сладко спал без задних ног. Я сразу же вернулся к ребятам. Приложив указательный палец к губам, знаком указал:

– Тише!..

Голоса замолкли. Все внимательно следили за тем, что я буду делать. Посмотрев на подставку для книг, мой взгляд остановился на большой табакерке для нюхательного табака с оставленной открытой крышкой.

Я тихонечко приблизился, ступая на носочках, и взял табакерку. Высыпал и завернул нюхательный табак в страницы книги. Опять поставил табакерку на то место, где она была. Ребята столпились вокруг меня, чтобы понюхать табак. Я сказал:

– Нет, на этот раз мы не будем нюхать. Мы расчихаемся, а он проснётся.

– А что ты будешь делать?

– Увидите...

– Что ты будешь делать? Что ты будешь делать?

– Я не скажу. Вам будет очень смешно.

Мне на ум пришла такая хитрость, что, ещё не осуществив её, я задыхался от смеха. Ребята, посмотрев на меня, также

рассмеялись. От нашего вырвавшегося смеха господин учитель проснулся. Он сразу же посмотрел на табакерку. Внутри её не было табака... Он занервничал.

– Скажите, кто это сделал, клянусь, убью как собаку.

Все единодушно сказали:

– Клянёмся, нам неизвестно!

– Кто взял? Скажите.

– Мы не знаем! Мы не знаем!..

– Ладно, я покажу вам. Сейчас проявится чихающий. Клянусь, что я накажу его фалакой. Потом избью его до смерти.

Мы случайно зачихаем, значит... От страха все мы лишились голоса.

– Клянусь... Ах, если сегодня кто-то из вас чихнёт... Клянусь, я убью...

– ...

– Клянусь. Если кто-то из вас чихнёт...

Приблизился вечер. Господин учитель, раскатав засученные рукава, надел носки и мезы (вид сафьяновых домашних сапожек). Накинул на плечи джуббе. После повторения таблицы умножения мы все начали петь религиозный гимн. В самом конце, легонько уколов мальчишку, сидевшего передо мной, я вскочил на ноги. Он тоже вскочил. Мы подняли руки. Господин учитель закричал:

– Что случилось?

– Не надо ли подготовить Абдурахмана Челеби?

– Готовьте, но быстрее!

Мы выскочили за дверь. Каждый вечер двое ребят, которые заранее получали разрешение господина учителя, выходили и надевали на осла недоуздок и седло.

Мы быстро спустились по каменной лестнице. Абдурахман Челеби лежал, растянувшись на траве, которую не смог съесть. Дав ему пинка, мы подняли его с земли. Надели на него недоуздок и седло. Божественные песнопения уже прекратились. Я вытащил из своего кармана бумажные трубки, наполненные нюхательным табаком, и осторожно наклонился. Абдурахман Челеби ничего не понимал. Я изо всех сил вдул в его ноздрю нюхательный табак из одной из бумажных трубок. Он встал на дыбы, как будто пистолет разрядился в его носоглотку. Вторую трубку с нюхательным табаком я вдуть не смог. Я крепко держал недоуздок и скачками подвёл его прямо к каменной лестнице. Другие ребята, подходившие ко мне, руками с трудом сдерживали свои рты, чтобы не расхохотаться. Господин учитель, надев джуббе с тяжёлым капюшоном, потихонечку спускался по лестнице. Ребята, спускались позади него, как птички, рядами. Осёл встал на дыбы.

– Что случилось с этим животным?

– Мы не знаем, господин, он спал...

– Вы неправильно его взнуздали.

– Нет.

– Подведите, я посмотрю.

Все ребята наблюдали за происходящим также с удивле-

нием. Я заставил осла приблизиться к ступенькам лестницы. Точно в этот момент Абдурахман Челеби, как подхвативший насморк человек, затряс головой и зачихал «Апчхи! Апчхи!». Все дети начали хохотать. Господин учитель был изумлён. Абдурахман Челеби расчихался под воздействием нюхательного табака. Как будто ничего не зная, я сказал:

– Он насмехается над вами, господин. Вы допустили оплошность...

Я стал более дерзким:

– Вы должны наказать его фалакой. О, животное...

Участвующие ребята, с хохотом закричали:

– Фалака! Фалака!

Набравшись от них смелости, я сказал:

– Но господин учитель, сегодня в школе вы сказали: «Кто будет чихать, клянусь, накажу фалакой!» Если Вы простите Абдурахмана Челеби, то вы разведётесь с вашей женой.

Ребята, как на уроке дружно закричали:

– Вы разведётесь с женой! Вы разведётесь с женой!

Господин учитель некоторое время был обескуражен.

Обычно, когда он собирался садиться на осла, то поглаживал его с нежностью и говорил: «О, мой Абдурахман Челеби, о, мой Абдурахман Челеби!», сейчас же он посматривал на него с опаской. Одному из ребят, находящемуся рядом с дверью, он приказал сбегать и принести фалаку и палку.

Маленький Абдурахман Челеби с неравномерными промежутками, непрерывно чихал и хотел потереться носом

об землю.

Фалака и палка, передаваясь из рук в руки, были представлены перед господином учителем. Дети покатывались от смеха. «Ваша жена разведётся! Ваша жена разведётся!» – повторяли они дружно и без перерыва. Господин учитель, не знающий на кого сердиться, на ребят или на осла, невольно приказал:

– Накажите!

Наверное, двадцать ребят собрались около Абдурахмана Челеби. После долгих усилий они повалили его на землю! На его задние ноги прикрепили фалаку. Господин учитель взял в руку палку. Начал стучать «так, так», подобно стуку подковы. Осёл корчился, дети кричали, смеялись и галдели. Шум стоял ужасный... Неожиданно один мальчишка, находившийся сзади всех, закричал:

– Господин начальник уезда!

Все мы замолкли. Все наши лица повернулись к калитке во дворе. Мужчина был в чёрных брюках, красной феске и с недовольной физиономией... Это должностное лицо, стоявшее очень прямо, спросило:

– Что происходит, господин учитель?

– ...

Господин учитель пришёл в состояние дурного замешательства. Он смотрел перед собой. Палка упала из его руки. Ребята, державшие фалаку, сняли и убрали её. Испуганный, несчастный осёл, освободившись и брыкая, побежал прямо

под каштановые деревья, ревя во всю глотку. Начальник уезда вошёл во двор. Потихонечку прошёл. Подошёл к школе. Нахмутив брови, опять рассерженно спросил:

– Что вы делали?

– Видите ли... Мой господин...

Господин учитель заикался.

– Что?

– Я дал клятву.

– Что это значит?

– Для чихающего.

– Как чихающего?

– Осёл чихал.

– Осёл чихал?

– !...

– !!!

Дети чихали и смеялись.

Начальник уезда разгневался от такого задевшего его начальства. Показав свои зубы, как будто хотел кого-то уку-сить, он сказал:

– Убирайтесь вон, а там посмотрим, невоспитанные!..

От страха мы сразу же замолчали.

Потом он повернулся к господину учителю, который растерянно и ошеломлённо смотрел себе под ноги:

– Вы пойдёте вместе со мной.

Они ушли, впереди начальник уезда, за ним господин учитель.

После случившегося мы уже не увидели в школе ни фалаки, ни господина учителя!

Сейчас, если я увижу, что кто-то чихает, я вспоминаю эту курьёзную и злую шутку, которую сделал, когда был маленьким. Я улыбаюсь. Странная и неизвестная боль саднит в моём сердце. Из-за того, что я сделал, мне грезится несчастный призрак этого белобородого бедного старика, выгнанного с должности учителя и, возможно, оставшегося голодным. Долгое время я испытывал муки совести, которые, то утихали, то ещё больше увеличивались.

Однако...

Однако не горькая ли правда состоит в том, чтобы не видеть каждый смешной случай в жизни, подобно этому?

Первое преступление

Я, человек, живущий с постоянной болью внутри! Эта тоска началась в тот момент, когда я почти стал себя сознавать. Может быть, мне не было ещё и четырёх лет. После этого, чтобы я ни делал, я до сих пор корчусь в бесконечной адской тоске, которая разожглась в моей совести, от неприятностей, о которых я вспоминал. Я совсем не забыл ничего из того, что меня огорчало. словно мои воспоминания были сделаны только для грусти.

Да, интересно, было ли мне четыре года? До этого я ничего не помню. Сознание ослабевает с быстротой молнии, которая не попадает в мою голову. Толстой, когда ещё был ребёнком девяти месяцев, помнит, как сам проникал в ванную комнату. Его первым чувством было удовольствие! У меня же началась ужасная хандра. В первый раз я запомнил себя в Пароходном Агентстве. Перед моими глазами до сих пор, словно в тот миг я появился на свет, мамыны объятия... Моя мама и блондинка смеются, разговаривают и курят сигареты. Мама вставляет свою сигарету в тонкие серебряные щипцы. Я хочу их взять.

Она говорит:

– Возьми, но не тяни в рот!

Даёт мне эти тонкие щипчики и бросает сигарету в море.

Наверное, сейчас лето. Много света, очень солнечная погода... Моя мама, разговаривая, медленно помахивает веером из голубых перьев. Я сползаю из её объятий. Она заставляет меня сидеть рядом, держа меня за руки. Вставляет мои пальцы в кольца щипчиков, я, не слушая маму, всовываю острые концы в рот и кусаю их зубами. Голубой чаршаф (покрывало мусульманской женщины) блондинки, с которой она разговаривает... Я одет в белое. Моя голова непокрыта. Мои волосы густы и, к тому же, вероятно, распущены. Я поднимаю голову вверх, когда моя мама поправляет их. Маленькая тень на краю тента двигается на песке, сверкающем на солнце.

Я говорю:

– Смотри, смотри!

Моя мама поднимет голову и говорит:

– Птичка села.

– Я хочу эту птичку

– Её нельзя поймать.

Я опять хочу. Моя мама зонтом бьёт снизу по этой тени. Но тень не двигается. Она обращается к госпоже, всё ещё находящейся рядом:

– Он не улетает.

– Интересно, кто это?

– Птенец.

– ...

Я настаиваю:

– Мама, я хочу птичку!

Тогда моя мама, отложив веер, встаёт, держа меня под мышки, как маленький мячик, поднимает меня кверху и говорит:

– Хватай сразу!

Моя голова приближается к полотну тента, мои глаза ослеплены. Я вытягиваю свои руки. Хватаю. Это белая птичка... Моя мама берёт её из моих рук и целует. Блондинка тоже целует. И я тоже целую её.

– Ох, несчастный птенец.

– Это птенец чайки.

– Должно быть, он не летает.

– Если он упадёт в море, то утонет.

– ...

Другие женщины обменялись фразами: «Не жилец!». Моя мама, говорит о бедной птице «бедняжка-бедняжка», потом очень долго его гладит и отдаёт в мои объятия.

– Давай принесём его домой, может быть, выживет, но осторожно не задави его, мой малыш.

– Не задавлю.

– Держи вот так.

Мама берёт тонкую сигарету серебряными щипчиками. Опять вступает в разговор с госпожой, находящейся рядом. Птичий пух такой белый, что... Я прикасаюсь... Чувствую косточки его крыльев. Лапки красные. Птенец совсем не трепыхается, чтобы улететь. Он растерян. Глаза очень круглые. На конце его красного клюва, словно он съел что-то жёлтое

и испачкался, был жёлтый налёт. Он старается осмотреться вокруг, вытянув шею. Тогда я поднимаю свои глаза к моей маме. Она, смеётся и разговаривает с госпожой, находящейся рядом. Она не обращает внимания на меня. Потом я тихонько держу в руках вытянутую тонкую шею белой птицы. Я начинаю сжимать птенца со всей силы. Он хочет расправить крылья. Я также придерживаю их другой рукой. Коралловые лапки впиваются в мои коленки. Я сжимаю, сжимаю, сжимаю его. Он не может издать и звука. Я сжимаю свои зубы, как будто сержусь. Птенец только выпучивает свои круглые глаза. Потом они уменьшаются, потом гаснут... Я сразу открываю свои сжатые руки. Мёртвое тело птицы падает на землю: «Плюх!»

...Моя мама поворачивается, наклоняется. Берёт с земли это ещё тёплое невинное тело, кричит «а.. ааа.. он мёртв!.. и потом смотрит на меня строго:

– Что ты сделал?

– ...

– Ты его удавил?

– ...

– Давай говори!

– ...

Я не могу ответить и начинаю реветь во весь голос. Блондинка берёт мёртвое тело из рук мамы:

– Ох, какой грех!

– ...

– Бедняжка.

– ...

Другие женщины вмешиваются в разговор. Сидящая напротив нас, полная пожилая женщина объявляет меня преступником:

– Он задушил. Я видела, что за вредный ребёнок...

– ...

Моя мама, очень побледнев, опять посмотрела на меня очень горько и сказала дрожащим голосом: «Ох, какой безжалостный!» Я плачу ещё больше. Я так плачу, что... Они даже не могут заставить меня замолчать. Сейчас я не могу вспомнить, как, где и когда я замолчал. Как будто я плакал бесконечно. Прошло вот уже более тридцати лет, а я из-за этого преступления точно не знаю сам, что делаю. В настоящее время, когда я нахожусь на палубе парохода Агентства, когда вижу чайку, у меня пропадает хорошее настроение. Я хочу плакать и рыдать, как ребёнок. В моём сердце нарастает и нарастает большая боль. Она жжёт мою грудь. Я как будто слышу бесконечный выговор упрекающей меня мамочки: «Ох, какой безжалостный!»

Клятва

Я родился в Гёнене. Я не видел этот городок двадцать лет. В моём воображении он уже был похож на мираж. Он, как далёкий старый сон, в котором было забыто много мест. Сейчас я стараюсь вспомнить, как со своим отцом, тогда молодым капитаном, каждый раз проходил перед мечетью на рынке, напротив которой находился маленький разрушенный фонтан, речушку внутри городка с тысячью плавающих брёвен строевого леса, жаркую баню с глубоким бассейном, куда мы иногда ходили помыться. Но белый туман забвения скапливается передо мной. Цвета стираются, виды теряются... У меня было пронзительное чувство, точно также похожее на нетерпеливость и любопытство, как у возвращающегося на родину после очень долгих скитаний на чужбине человека, который также находил в густой пелене небосклона место своего рождения и был опечален из-за того, что не мог увидеть издалека любимые предметы. Он проходит каждый вечер со стадами буйволов и коров по пыльным, не каменистым дорогам, покрытых лишайником, мимо чёрных покрытых черепицей крыш, больших стен, как будто собирающихся обрушиться, через маленькие деревянные мостики, бескрайние необъятные поля, мимо низких изгородей, которые все растворяются внутри этого тумана...

Я могу представить перед своими глазами только мой дом и школу. Большой сад... Посередине белый-пребелый дом, сделанный в виде летнего дворца... Комнату с белыми занавесками, в которой мы всегда сидели в правом углу... По утрам моя мама сажала меня, как младенца, на край окна, заставляла повторять уроки, пила молоком. Из этого окна было видно единственное окно без стёкол и ставней большого строения землистого цвета, находящегося в другом дворе. Эта чёрная дыра наводила на меня большой страх. Наш слуга Абель Ана, готовящий еду, стирающий бельё, моющий полы, дающий корм лошади моего отца и ухаживающий за домашними собаками каждый поздний вечер рассказывал страшные, бесконечные рассказы, в которых был медведь, похожий на эту темноту в окне.

Я каждое утро придумывал сны с медведем для моей несчастной мнительной мамы, интересующейся, как истолковать и рассказать сон. Я рассказывал, что крупный ворон, принадлежащий одному медведю, схватив, унёс меня на гору, закрыл в берлоге, находящейся в лесу, связал мои руки, обкусал мой нос и мои губы, потом бросил на колесо водяной мельницы, находящейся на его дороге в Байрамич. Я заставил сказать её много раз: «Дай Бог, всё будет хорошо...». Когда я объяснял сон, я представлял себя великим человеком, великим господином, великим пашой. Как бы я был доволен, чтобы никто не смог сделать мне ничего плохого, чтобы забыли, что я когда-то говорил неправду... На какие ули-

цы, с кем я обычно выхожу? Я не знаю...

Одноэтажная школа была с не побеленными стенами. Как только выходишь из двери, то попадаешь на крытый сверху двор. Впереди был ещё маленький сад без деревьев... В конце сада уборная, бочка для большой нужды... Маленькие мальчики и девочки сидели в саду попеременно, вместе читали и играли. Женщина, которую мы называли «Большая Ходжа», была редковолосая, крашеная хной, горбатая, высокая, пожилая и слабоумная. Она была похожа на вредного больного коршуна с жёлтым, изогнутым, как клюв, носом, полинявшими перьями, у которого очень строго сверкали голубые глаза. «Маленький Ходжа» был парнем. Он был сыном Большой Ходжи. Дети совсем не боялись его. Я считал, что Большая Ходжа была немного глупа, и сидел на месте, находящемся за подставками для книг, поэтому очень длинная толстая палка Большой Ходжи не могла до меня достать. Все девочки называли меня «Белый Господин», может быть из-за моих светло-жёлтых волос. Довольно взрослые парни, то называли меня по имени, то окликали «капитанский сын». На качающейся створке не открывающейся классной двери на нас смотрела, как безжизненное лицо, плоская табличка «Вход-Выход». Тусклый свет восходил близко к потолку из узких окон толстых стен. Был слышен громкий истошный крик детей, непрерывно кричащих, читающих, восклицających, словно они привыкли баловаться и устраивать балаган.

В школе единственным видом наказания были побои...

Большие виновники, при этом даже девочки, обычно ложились под фалаку (*орудие наказания – дурьяшка, к которой привязывают ноги и потом бьют палками по пяткам*). Не было таких детей, кто бы не боялся и не трепетал от фалаки. Тяжёлая оплеуха Маленького Хаджи... Длинная толстая палка Большой Хаджи... такие встречи, безусловно, были неприятны. Я совсем не переваривал телесные наказания. Может быть, они и помогали. Только один раз Большая Ходжа сухой костлявой рукой ударила меня в левое ухо, за то, что я солгал. Она так сильно ударила, что даже на следующий день ухо горело. Оно было очень красным. Между тем моей вины не было. Я сказал правду. Кто-то сорвал кран в уборной, находящейся в саду. Большая Ходжа искала, кого наказать. Это был больной, слабый мальчик в чепкене (*короткий вышитый кафтан с длинными разрезными рукавами*) и красном кушаке. Я сообщил ей об этом. Он должен был сесть под фалаку, но не признавал себя виновным. Потом вышел другой мальчик. Он сказал, что это он сорвал кран, а вины первого не было. И лёг на его место. Он громко кричал, когда его подвергали наказанию толстыми палками. Тогда Большая Ходжа ударила меня в ухо и спросила: «Почему ты говоришь неправду, клеветешь на этого беднягу?» Она нахмурила своё лицо и была сердита. Я заплакал. Я плакал, потому что я не солгал. Да, я своими глазами видел, когда срывали кран. Вечером, когда ученики расходились из школы, я схватил мальчика, которого били, и спросил:

– Почему ты выставил меня лжецом? Ты не срывал крана...

– Я сорвал кран.

– Нет, ты не срывал крана. Я своими глазами видел, что это сделал другой мальчишка.

Он не упирался и посмотрел мне в глаза. Он стоял так одно мгновение. Он не собирался скрывать правду от меня, только если я поклянусь не говорить Большой Ходже. Мне было любопытно, и он рассказал:

– Кран сорвал Али, это я тоже знаю. Но он очень слабый, совсем больной. Ты видишь, что его нельзя наказывать фалакой. Он может умереть, потому что только недавно оправился от болезни.

– Но почему ты вместо него получил наказание?

– Как почему? Мы с ним поклялись. Он сегодня болен, а я здоров, я сильный. Вот я и спас его.

Я не очень хорошо понял. Опять спросил:

– Что такое клятва?

– Разве ты не знаешь?

– Не знаю!

Тогда он рассмеялся. Отдалившись от меня, он ответил:

– Мы выпили кровь друг друга. Это называется «поклониться». Поклявшиеся люди становятся кровными братьями. Они помогают друг другу до самой смерти, в дни бедствий они спешат на помощь друг к другу.

Потом я стал более внимательным. В школе было много

детей, которые дали клятву друг другу. Они были кровными братьями. Даже некоторые девочки давали клятвы между собой.

Однажды я увидел, как проходил этот обычай, про который я недавно узнал. Опять я был за подставкой для книг. Маленький Ходжа вышел наружу, чтобы совершить ритуальное омовение. Большая Ходжа, повернувшись к нам спиной, очень медленно, как улитка, тяжело совершала намаз. Двое детей ножом с деревянной ручкой сделали порезы на своих руках. Выступившие большие красные капли на их руках покрыли длину пореза. Они смешали кровь друг друга. Потом они высосали кровь из порезов рук друг друга. Чтобы совершив клятву, стать кровными братьями... Это заставило меня начать думать. Если у меня тоже будет кровный брат, он заставит ходжу не бить меня в ухо, вдобавок он спасёт меня, если я лягу под фалаку.

Я подумал, что в нашей большой школе я сам был очень одинок, без друга, без защитника. Как каждый ребёнок, я рассказал маме свои мысли, что хочу с кем-то поклясться. Я рассказал про клятву. Она не согласилась и предостерегла меня:

– Я не хочу таких глупостей. Лучше не делай этого...

Но я не слушал. В моём уме застряла клятва. Но с кем? Один случай, неожиданный несчастный случай заставил меня приобрести кровного брата. В пятничные дни мы все соседские дети собрались в саду у дома. Мы играли до вече-

ра. Позади нас находились дети хозяина дома Хаджи Будака моего возраста. Больше всех из их имён мне нравилось имя Мыстык... Когда я говорил это слово, я чувствовал удовольствие, то и дело повторял его. Оно было такое ладное... Девочки придумали рифмы, которые не сходили с языка, к этому красивому имени. Увидев в саду или на улице Мыстыка, кричали их; они до сих пор в моей памяти. Они стояли, сжав кулаки, напротив него и вместе кричали выдуманную кричалку:

Мустафу Мыстыка
Мы к телеге жали,
Три свечи держали,
Очень долго ржали!

Мыстык совсем не сердился. Он смеялся. Мы тоже, прокричав это четверостишие, иногда повторяли его и веселились.

Этот очень маленький стишок, даже повлиял на моё воображение. В моём сне я обычно видел довольно много навязчивых девочек, которые видели зрелище, где были Мыстык, большой переселенец, прижатый к телеге, три свечи горящие вокруг. Почему Мыстык держал себя так скромно? Почему вдруг, набросившись, не надавал этим девчонкам много пощёчин? Почему, прижатый, не освободился от пахнувшей дёгтем телеги? Он был сильнее каждого из нас. Как и у имени, все его стороны были круглые; голова, руки, ноги, тело... Даже кисти рук... Все дети в борьбе побеждали... Летом,

каждую пятницу с утра он приносил большую вязанку ивовых веток. Из этих веток мы делали себе лошадей, играли копьями, затевали соревнования. Он тоже обычно участвовал во всех наших соревнованиях. Никто из нас не мог поймать его. Вот опять, в такую же пятницу, Мыстык пришёл с ивовыми прутьями. Я отложил себе самые длинные прутья. Другие прутья я раздал детям. Ножом мы заостряли эти прутья, из коры делали два уха и один нос. Мы сделали что-то очень похожее на голову коня. Я обычно делал это лучше всех.

Я делал себе лошадь. Мыстык и другие дети ждали своей очереди. Как-то случилось, что я не заметил, как ивовая кора вдруг раскололась. Складной ножик, выскользнув, порезал указательный палец левой руки. Красная кровь начала течь. В тот момент мне на ум пришла одна вещь: поклясться...

Забыв о боли в пальце, я сказал Мыстыку:

– Эй, посмотри, я порезал себе руку. Давай будем кровными братьями. Ты тоже порежь...

Уставившись в землю своими чёрными глазами, он покачал большой круглой головой:

– Возможно ли? Для клятвы нужно порезать руку...

Я добавил:

– Мой друг, какая разница? Разве это не кровь? Всё равно, что из руки, что из пальца... Давай, давай!..

Он согласился. Взяв из моих рук ножик, он довольно-таки глубоко порезал свою руку. Кровь была такая тёмная, так

текла, что капли разбухали и увеличивались. Мы смешали её с кровью из моего пальца. Сначала кровь высосал я. Кровь была солёная и тёплая. Потом он также высосал кровь из моего пальца.

Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор? Может быть шесть месяцев... Может быть один год... Я не забыл, что мы с Мыстыком стали кровными братьями по неизвестной причине.

Мы опять вместе играли и вместе возвращались из школы домой. Однажды была очень жаркая погода. Большая Ходжа дала нам полдня свободного времени. Похоже, что это был четверг... Мы с Мыстыком тихонечко шли в уличной пыли. Я подложил платок под свою феску, чтобы была возможность вытирать пот со своего совершенно мокрого лица. Мы проходили по большой широкой улице. По обеим сторонам улицы были стены. Вдруг напротив нас вышла крупная чёрная собака и побежала к нам. Позади нас следовало несколько мужчин с толстыми палками. Они закричали нам: «Бегите, бегите, она укусит!..» Мы испугались, оторопели, но так и остались стоять на месте. Я, немного раньше собравшись, сказал: «Ну, давай побежим...» Собака приближалась к нам со сверкающими, как огонь глазами. Тогда Мыстык крикнул: «Прячься за мою спину!..», и встал передо мной. Собака бросилась на него. Сначала они быстро оттолкнули друг друга. Потом, как два одинаковых борца, вцепились друг другу в горло. Собака тоже встала на задние ла-

пы.

Вскоре после такой борьбы двое покатались по земле. Маленькая феска и голубой йемени (головной платок из лёгкой вышитой ткани) слетели с Мыстыка. Эта борьба для меня длилась очень долго. Я дрожал. Приблизились дяди с палками. Они несколько раз со всей силы ударили собаку. Мыстык был спасён. Из рук и носа бедняги текла кровь. Собака, поджав хвост между ног, уткнув пасть в землю, галопом убежала. Мыстык сказал «Ничего... Не болит... Немного исцарапан...» Его повели домой. Я тоже сразу побежал к себе домой. Я рассказал своей маме, что с нами случилось. Абиль Ана уложил меня на моё место. Очень долго страх растекался по моим жилам и паху. Слуга, прочитав молитву, так подул мне в лицо, что я зачихал от его запаха чеснока.

На следующий день Мыстык не пришёл в школу. Ещё на следующий день он опять не пришёл... Я сказал маме, что, когда пришёл к семье Хаджи Будака, то не увидел Мыстыка. Она сказала:

– Он болен, мой милый, даст Бог, когда ему будет лучше, вы опять будете играть, сейчас не надо его беспокоить.

С тех пор я всегда ходил в школу с надеждой, что застаю Мыстыка выздоровевшим. Как жаль, что он не пришёл... Собака была бешеной. Для обследования Мыстыка отправили в Бандырму. Оттуда его собирались отправить в Стамбул. Потом мы слышали, что Мыстык умер...

Мне, как и всем, также вспоминается моё детство, когда

я встаю рано ясным и безоблачным утром. Я хочу перенестись моими глазами на место моего рождения, в оставшуюся в моей памяти, как будто бесконечную и фиолетовую страну, где занимается утренняя заря. И ничего не замечая, я всё смотрю на указательный палец левой руки. Сверху на первой фаланге пальца до сих пор есть след от маленькой раны в виде оставшейся белой полоски, на мой взгляд, очень святой. Я опять чувствую его жаркие губы на кончике моего пальца и вижу моего геройского кровного брата, умирающего и погибающего ради клятвы, этого воображаемого льва и героя, чтобы спасти меня, добровольно сцепившегося с большой, бешеной, крупной, чёрной, пастушеской собакой.

Когда турки теряют способность чувствовать фибрами души свою нацию, мы скатываемся в глубины дурно пахнущей чёрной бездны, где на дне её преисподней находятся нравственная испорченность, вероломство и эгоизм, пошлость и лень. Когда мы корчимся, измученные, потом омываемся три раза и выходим чистые и ясные, то передо мной открывается действительно далёкий мираж потерянного рая... Эта способность делает меня счастливым. Находясь вместе с мамой Мыстыка, милой и благородной, постаревшей от горя, ещё более достойной от возрастающей забывчивости, я испытываю удовольствие от приятной и грустной горечи...

Незапятнанная честь

Господин Мехмет проживал в посёлке десять лет. Он оставил свою ферму, поля, виноградники и сады в управление одному компаньону, живущему в деревне. Однажды господин Мехмет пожаловался своему дорогому другу муфтию Хаджи Али:

– У него всё сгорело. Я полагаю, что всё превратилось в пепел. В целом мире уже нет ни одного честного человека.

Муфтий, верующий в религию, как добродетель бытия, сказал, покачав головой:

– Есть, но ты не можешь найти.

Господин Мехмет вышел из себя: «Нет, нет, нет! Клянусь Аллахом, нет! Все лжецы, все мошенники. Не осталось ни одного близкого человека, ни одного родственника, которому бы я мог поверить. Даже мой брат обманул меня.

– В таком случае иди, возьми у него имущество.

– Ты правильно говоришь. «Были удила на крупе лошади... Было хозяйство...» Что же мне делать, ведь я не могу покинуть здесь свою работу.

– Продай всё, что у него находится в деревне.

– Они сговорились. Никто не покупает.

Господин муфтий знал, что в мире до сих пор есть честность и добродетель. Однако, как он должен это доказать? Многие, как и господин Мехмет, также разуверились, будучи

грязно обманутыми. К сожалению наступает день, когда никто никому уже не верит. Он сказал:

– У меня есть знакомый пастух. Очень честный!

– Пастух?

– Да.

Господин Мехмет горько скривился, как будто снова открылась его старая рана:

– Твои пастухи особенные?

И глубоко-преглубоко вздохнул:

– Из моих тысячи пятисот овец под конец пастухи оставили пятьдесят голов.

– Прекрасно. Как я сказал, отдай эти пятьдесят овец честному человеку. Пусть он сделает сто!

Господин Мехмет рассмеялся:

– Не шути.

– Я верно говорю.

Муфтий начал рассказывать о знакомом пастухе. Этот человек не знал, что такое ложь в мире, был чрезвычайно простодушный и скромный. Он проводил свою жизнь в горах, на пастбищах. К пяти молитвам намаза в день он прибавлял ещё пять.

Когда муфтий расхваливал пастуха, Мехмет смягчился и сказал:

– Может быть, и в самом деле отдать ему тех моих овец?

На следующий день они отправили весточку на летнее пастбище в горах и позвали пастуха в посёлок. Господин

Мехмет договорился с ним в присутствии муфтия.

Господин Мехмет собирался отвести этому пастуху пятьдесят овец. Одна пятая от дохода, полученного от пятидесяти овец, будет принадлежать пастуху. Овцы были приведены из деревни. С этим маленьким стадом пастух вышел из деревни и ушёл в горы.

Прошли дни, недели, месяцы. Однажды, господин Мехмет, столкнувшись с муфтием, сказал:

– Если этот пастух будет честным, то я оставлю в его ведении все работы по деревне.

– Ты увидишь это, ты увидишь!

– Дай-то Бог...

Через год, в пятницу утром господин Мехмет, сидя в комнате, находящейся на нижнем этаже дома, увидел напротив «честного пастуха». У него в руках была сырая шкура и большой глиняный сосуд. Для приветствия он поднялся с тахты, находящейся рядом с окном:

– Добро пожаловать.

– Спасибо!

– Проходите, давайте присядем.

– Благодарю!

– Какие новости от овец? Они рождались?

Пастух сказал:

– Все были бесплодны.

– Ни одна не дала приплод?

– Нет.

– Ты сколько настриг шерсти?

– Я ещё не стриг.

Господин Мехмет не понял:

– Почему?

– Двенадцать штук было похищено.

– Сколько осталось?

– Тридцать восемь. Тридцать две овцы прошлой осенью заболели «вертячкой» и подохли.

– Ну? Сколько осталось?

– Шесть. Пять загрыз волк...

– Сколько осталось?

– Одна. Вот за этой овцой я смотрел пуще глаза. Я доил её в позапрошлый вечер. Из молока сделал этот йогурт. Вчера утром спускаясь с пастбища, несчастная овца скатилась в пропасть. Я спустился, подошёл к ней и увидел, что она мертва. С неё, ещё тёплой, я содрал шкуру. Вот её шкура.

Пастух рукой показал на сырую шкуру, находящуюся рядом с окном. Господин Мехмет схватился левой рукой за свою седую бороду. Сначала он рассердился, потом сжал бороду рукой. Пастух продолжал:

– Йогурта два с половиной литра... Половина моя. А что касается шкуры, то я вам её дарю!

Господин Мехмет не произнёс ни звука. Он встал, взял сосуд с йогуртом в руку и медленно-медленно подошёл к «честному пастуху», со всей силой одел полный сосуд с йогуртом ему на голову, начал стучать по нему кулаком и го-

ворить:

– Возьми, сволочь!

И пинком выставил его за дверь.

В это же самое время господин муфтий зашёл навестить своего друга. Увидев в двери пастуха с йогуртом на физиономии, он растерялся и спросил:

– Эй, ты, это что за вид?

Простодушный пастух, как будто потерял голову от постигшей несправедливости. Однако он не растерял свой разум, с горьким упрёком и большим самомнением сказал:

– Вы видите, мой господин, подав честно счёт, вот с какой щедростью выхожу на улицу от хозяина.

Чудо

Пожар уже продолжался полчаса. Однако население квартала решило, что будет тушить пожар, только тогда, когда уже сгорело два дома. Потому что могла сгореть усыпальница святого человека, ведущего род от пророка Мухаммеда. А может быть, и нет! Она же не загорелась! Внезапно подул южный ветер, горящие головешки разлетелись на кровли домов, под усыпальницу, на усыпальницу, рассыпая искры и языки пламени. Пожарная часть, насосы работали на пределе сил. Полицейские оцепили пожар со всех сторон, и не давали возможность расхищать вещи людей, убежавших от пожара.

Чироз Ахмет осмотрелся по сторонам. Он был опытным грабителем. На его взгляд пожар означал добычу. Однако этот квартал был очень бедным. Он знал, что в этих горящих и несчастных хибарах кроме постельных одеял ничего нет. Тем не менее, у него была негласный закон при грабеже, чтобы у вещей был «вес малый, а цена большая».

Он покачал головой:

– Боже, пусть они понесут наказание! Бесплезный пожар!

Население собралось перед усыпальницей и кричало:

– Тушите, пока огонь сюда не дошёл!

Чироз Ахмет просунул голову в окрашенное в зелёный цвет окно усыпальницы. Он увидел, что раку освещал туск-

лый свет от одной лампы. У головы раки стояли два больших подсвечника. С двух сторон от раки были разложены два молитвенных коврика. На открытых полках покоились фолианты Коранов Керима. Чироз Ахмет увидел всё это своими хитрыми глазами, заблестевшими при виде находки. Он рассчитывал на минимум. Но подумал про себя:

– Подсвечники по десять лир, будет двадцать... Молитвенные коврики по пятнадцать лир, будет тридцать... Книжки, безусловно, рукописные. За них дадут двадцать лир, всего семьдесят...

Он прошёл к окрашенной в зелёный цвет входной двери. Чироз своими костистыми плечами проверил её на прочность. Тихонечко стал надавливать на дверь. Народ был занят пожаром. Чироз Ахмет был очень силен. По правде говоря, он единственный из немощных, нетренированных, неспортивных, скрывающихся грабителей имел специфическую, необыкновенную силу... По мере давления дверь начала трещать. Наконец, она хрустнула и открылась. Когда Чироз проник в помещение, то первым делом задул тусклую лампаду. Однако каждая из вещей, которые он собирался взять, не была дорогой, но по весу была нелёгкой. Его ум сразу же начал готовить план грабежа. По мере составления плана в уме, Чироз не ждал успешной развязки, но осваивал детали дела. Сняв свечи с подсвечников, бросил их на пол. Взяв все книги с полок, завернул их в кушак из Траблуса, который снял с пояса. Потом немного постоял и почесал свой

нос. Тихонько собрал молитвенные коврики и покрыл ими раку, как будто накинул попону на коня. Теперь нужно выйти из двери. Но снаружи много народа. Он опёрся на раку. Немного подумал. В кавуке (старинный головной убор) ничего отложено не было. Сверху был вышитый золотом круг. Вдруг рака от его напора съехала. Чироз Ахмет сжался, чтобы не упасть. Интересно, воскрес ли святой? Он остановился, посмотрел и улыбнулся.

Он подумал, что душа святого не была прибита к полу.

Он наклонился, поднял раку, чтобы заглянуть под неё. Это было очень легко сделать. Рака была сделана из тонких досок и покрыта сверху зелёным сукном. В его уме созрел «план выхода». Он взял в охапку книги и подсвечники и вошёл под эту раку. Он пошёл с ней очень медленно. Остановился. Высунув руку из-под раки, медленно открыл дверь и взглянул на левую сторону проспекта. Он мог быть схваченным. Улица с правой стороны была малолюдная. Было много пустырей, но пожар был в том районе. И все люди собрались в том месте. Чироз Ахмет недолго думал под ракой. Была, не была, он вышел из двери. Народ, повернув свои головы на шум, поразился. Каждый остался на том месте, где стоял. Вот идёт воскресший святой. Насосы прекратили работу. Сильный ветер внезапно стих. Пожарные от страха побросали топоры, багры и шланги. Рака шла в направлении пожара. Народ, отступая по обе стороны улицы, дрожал от страха. Рака шествовала с величием страшной духовной

силы, покачиваясь из стороны в сторону, и скрылась в темноте за пожаром.

Огонь был побеждён за два дома до усыпальницы. Несгоревшая усыпальница, оставшаяся без святого, опять была оберегаема народом квартала, как святыня. Только сотни лиц, читающих Коран, по-прежнему не сворачивали к опустевшему зданию, смотрели в сторону Каабы и говорили: «На наших глазах, он ушёл в ночь пожара по этой стороне!»

Ревность

Али Джанибу

«Просто, когда я был молодым парнем,
я нашёл этот рассказ среди книг моей умершей мамы,
который не смог решиться опубликовать.

Я прочитал его с удивительным интересом.

Он мне очень, ну, очень понравился.

Почему не так давно он мне не нравился,
и я отложил его в сторону?

Неужели, чтобы заставить меня вспомнить
о милосердии моей бедной мамочки?

Как бы то ни было... Мой любимый Джаниб,
сегодня я предлагаю тебе моё самое красивое
произведение. Я посвящаю тебе эту рукопись».

Господин Ахмет Сюхран сказал:

– Тогда мне было только двадцать лет.

Мой отец, занимающий высокий пост на телеграфе и почте в Незарете, не смог перенести моей расточительности, распутства и позора. Моя мама посоветовалась с семьёй, состоящей из моей старой тёти и бабушки. Все они единодушно решили отправить меня в провинцию. Инспектор в вилайете (области) Янья был одним из людей моего отца. Я собирался поехать в городок того вилайета и работать там телеграфистом. Чтобы образумился. Про это моя мама сказала

очень мягким голосом:

– Ты очень ослаб... Что-нибудь похожее на перемену климата... И страну увидишь, и себя приведёшь в порядок. И опять же развитие...

В начале, по мере её напева о моей подготовке к отъезду, я недоумевал:

– Я не уеду, это невозможно.

Как только я возражал, моя мама начинала рассказывать о моём ужасном поведении, которое было следствием моего последнего проступка у отца. С довольно большим количеством клятв она обещала, что я обязательно вернусь назад через несколько месяцев, и что она будет просить отца об этом.

Я был недоволен, но, вероятно, у меня было желание увидеть те края, и я сказал:

– Ладно, однако, больше трёх месяцев я не останусь...

Щедрые деньги на дорожные издержки... Зарплата четырёхста пятьдесят курушей... Это хорошо! Однако трёхмесячная разлука с любимым и приятным Стамбулом... Пять лет исполнилось, как я не покидал Стамбул. Я привык к нему, как к своему рождению, взрослению и как к своей родине. Но для каждого человека, готов свой вид утешения. Вспоминая пейзажи и развлечения в портовых городах, в которые мы заходили, возвращаясь из Гирита, места последней службы моего отца, я думал:

– Теперь я хорошо проведу время.

В то время я был ещё молодым парнем.

С этими соображениями я впал в сладкие мечты. Да, сначала Бейрут, потом Пире... Атина... Совершив вояж из Моры в Превезе, оттуда в Янью, а уже оттуда я собирался уехать в местный городок, где будет моя служба. Хорошего путешествия!

Короткое прощание с семьёй... После получения ценных наставлений от моего отца, заключающихся в том, чтобы были заполнены три-четыре чистых листа бумаги, если соберусь написать письмо, я запрыгнул на пароход. Два дня мы стояли в Селянике. Нет нужды говорить, что мои два вечера прошли в многолюдном ресторане с музыкой. После Селяника я немного разболелся. Мы собирались стоять два дня в Измире. «Мои деньги в Атине, вот там я изрядно повеселюсь», – с этой мыслью я отказался от развлечений в Измире. Вместе с этим, подобно пассажирам, носящим чалму, я не согласился участвовать на вечеринках на пароходе. Я остановился в гостинице. За ужином я заметил, что какой-то бородатый господин внимательно наблюдает за мной. Коротко говоря, он очень долго не прекращал проявлять любопытство ко мне. После ужина, когда мы пили кофе, этот господин спросил моё имя. После того как имя было сказано, он спросил кем я прихожусь моему отцу. Когда я ответил, он странным движением протянул руку к моему рту и сказал: – Поцелуй руку своего дяди!

Я пришёл в замешательство. Но узнал его. Когда я целовал

эту пухлую руку, я вспомнил, что мой любезный дядя был секретарём в посольстве Персии, и обучал меня в детстве языку фарси. Один раз в году он присылал письма с поздравлениями к Мухаррему (первому месяцу лунного календаря). Странная встреча... Он вернулся в Стамбул. Задавал мне вопросы, касающиеся персидского изафета, чтобы я продемонстрировал ответы своим родителям. В ту ночь мы до трёх часов сидели в кафе в Кордоне. Когда мы пришли в гостиницу, глубокий сон, похожий на специфическое опьянение путешествием, смежил мои веки. Мой дядя пошёл спать в номер на первом этаже. Когда он подходил к своей комнате, погладил меня по спине и сказал:

– Пусть Аллах даст тебе покой, сын мой. Я не буду вставать рано. Пожалуйста, разбуди меня.

– Слушаюсь! – сказал я и ушёл. Я подошёл к своей комнате. Благодаря моему отказу от разгульной жизни, какую ценную встречу эта ночь дала мне возможность приобрести! Не было никакого сомнения, что эта ночь представила меня моему дяде, который завтра рано встанет и уедет в Стамбул на пароходе.

...Утром я проснулся поздно. Быстро оделся и спустился к комнате моего дяди. Он тоже оделся, почистил щёткой свою феску (турецкий головной убор). Увидев меня в зеркале входящим, он повернулся и сказал:

– С благословенным добрым утром, дитя моё, ты же сегодня меня проводишь?..

Я засмеялся и сказал:

– С гордостью, мой господин.

Что-то бросилось мне в глаза рядом с его железной кроватью с жёлтыми набалдашниками... Белый мех?... Или... Собака?... Я подошёл с любопытством. Приблизившись, я увидел, что на меня смотрят два блестящих чёрных глаза. Это не была ни собака, ни кошка...

Я машинально воскликнул:

– Ах, какая красивая вещица!

Мой дядя с тщательной аккуратностью водрузил феску, которую отчистил, на свою голову. Подошёл ко мне и сказал:

– Она действительно прекрасна. Эту обезьяну мне подарили индийские купцы. Когда она мне досталась, я не решился продать и избавиться от неё.

Я удивился:

– Разве это обезьяна? Я никогда не видел белых обезьян!

Мой любезный дядя рассмеялся. Он погладил белую обезьяну:

– Она единственная в своём роде в Индии. Необыкновенномышлёная. К тому же редкая.

По мере моего изумления он рассказывал про поступки, свидетельствующие об её сообразительности, играх и знаниях. В конце он сказал:

– Я подарю её тебе на память. Я вижу, что она понравилась тебе.

Ой-ой-ой... Что я буду делать с обезьяной? Наказание Бо-

жье! Ели бы хоть получать от этого удовольствие... Белоснежная штучка. Но она показалась мне странной. Я отказался:

– Я не хочу.

Мой любезный дядя продолжал настаивать, считая, что я отказываюсь из вежливости. Что мне делать? Поневоле я согласился. В тот же день мой дядя уехал в Стамбул. Я остался с обезьяной один. Эта белая обезьяна имела настолько красивые зубы, что... На её лице не было хмурого выражения, как у других обезьян. Блестящая белая шерсть, изящные белые лапки выглядели очень милыми и мягкими. Очень чёрные глаза смотрели так очаровательно, что... Я взял её в свои объятия. Она была очень доверчива и послушна. От радости она извлекала звуки, похожие на рыгание. Когда мы пришли на пароход, все пассажиры были изумлены. Также как и я, они не видели такой белой обезьяны, которую им нравилось гладить, как кошку.

Когда мы зашли в Пиреи, я захотел продать эту красивую обезьяну. Больше десяти лир за неё не давали. Я пожадничал. Я решил сбить её с рук. Что будет? Греция! Итак, и здесь никто не дал достойную цену этому замечательному животному. Теперь моё путешествие, по мере приближения к моему месту службы, как будто набрало скорость и стало сном. Я проехал Превезе и Янью и прибыл на телеграфную станцию. Это было красивое место. Виноградники, сады... Дали... Голубые горы... Потом пурпуровые горы... В высоких

окнах здания телеграфа приятно трепыхался ветер. Почти все жители городка были греки.

Первые дни они с большим беспокойством проходили мимо. Я вспомнил слова моей мамы:

– До трёх месяцев...

Я привёл в порядок место своего обитания, готовясь к достаточно долгой жизни здесь, потому что я совсем не верил её обещанию. Вероятно, у прежнего служащего до меня была немного философская натура! Я вычистил замусоренную комнату. На кресло, которое было очень грязным, я надел чехол. После этого я начал писать письма... Иногда отправлял телеграммы...

Другие телеграфисты говорили:

– Добро пожаловать!

– Спасибо...

На их ответ, что они не будут тянуть с передачей корреспонденции, я говорил:

– Я очень беспокоюсь!

Служба на должности телеграфиста это особая служба. Вы находитесь в постоянном контакте с вашими сослуживцами на расстоянии многих фарсахов (персидская единица длины около 5 км), хотя вы находитесь только у телеграфного аппарата. Когда вы видите друг друга, этот контакт настолько затруднителен, что... или настолько увеличивается что... Однако, иногда вы сердитесь или миритесь друг с другом. Сначала товарищ извне, спрашивает ваше имя, ваш возраст, же-

наты ли вы или холостой. Но уже через неделю спрашивает вещи, которые не может спросить даже самый бесцеремонный из ваших друзей.

Я топил в холодной серьёзности их болтовню и передавал короткие ответы в телеграфных сообщениях, чтобы быть в курсе дел. Окно, рядом с которым находилось моё кресло, было открыто очень раздольной весенней погоде. Я часами смотрел наружу. Моё здоровье, ослабевшее от мотовства и безмерного распутства, очень медленно приходило в норму. Я сразу погружался в сон в своём кресле, не сопротивляясь в изобилии приходящим мечтам, помня правило, «если молодой человек не спит, а старый спит, то это болезнь». Моя обезьяна стала мне кротким и послушным другом. Она старалась быть полезной во всяком моём деле. Если я показывал на воду, то она приносила воду. Когда я спал, как днём, так и ночью, она подбегала и будила, когда трезвонил телеграфный аппарат. Однажды после обеда я снова погрузился в лёгкий сон. Я почувствовал незаметное прикосновение к моим волосам. Я медленно открыл глаза. Моя обезьяна ласкала меня.

Она гладила мои волосы. Я спал, чувствуя необыкновенное поглаживание этих маленьких, слабых, белых и мягких лапок. Просыпаясь, я увидел, что она сидела напротив и пристально смотрела на меня своими глазками. Это продолжалось каждый день. Она меня гладила, ласкала, потом садилась напротив и смотрела на меня, когда я спал.

Однажды утром я умыл своё лицо... Прислонившись к окну, я посмотрел на облака и сверкающее солнце, в даль, дрожащую в дымке. Внезапно открылась дверь. Я повернул голову. Очень молодая, очень красивая девушка... Она, как это свойственно только гречанкам, непринуждённо и живо спросила по-гречески:

– Вы служащий связи, господин?

Я ответил:

– Да, что вы собираетесь отправить?

Она собиралась дать телеграмму своему старому отцу, что она здесь жива и здорова. Она послала телеграмму. Девушка вела себя так непринуждённо, что... В течение десяти минут мы наговорили на целый год. Её отец был бакалейщиком в Атине. Сама она приехала погостить к тёткам в Янью и собиралась устроиться здесь. Я почувствовал расположение к мадмуазель и сказал:

– Здесь очень хорошо, но вам будет трудно привыкнуть к массе людей.

Я очень быстро стал её близким другом. На следующий день, когда она проходила перед зданием телеграфа, я поздоровался с ней. Смеясь, она ответила. Наша дружба развивалась. Мы часами гуляли вместе в роще перед телеграфом. Её звали Элен Теодор. Она была также умна, как и глупа, но в высшей степени непосредственна.

Элен изучала французский язык в Атине, по литературе, которую она проходила в школе, ей задали прочесть книги

Расине, Корнейле и Фенелона.

Однажды вечером мы опять вместе болтали о пустяках в голубой тени. Вдруг увидели, что обезьяна подошла и встала сзади нас. Девушка спросила:

– Зачем она подошла?

– Я не знаю. Давай посмотрим, что она будет делать?

Обезьяна стала тянуть меня за полу пиджака.

По её голосу я догадался, что звонит телеграфный аппарат. Наверное, он звонил вместе с криком обезьяны.

Я сказал:

– Мадмуазель, позвольте мне принять телеграмму...

И удалился. Когда я направился к маленькому телеграфному аппарату, то увидел, что обезьяна была очень довольна. Я вбежал в помещение. Обезьяна за мной не пошла.

Я проверил аппарат, сигнала ниоткуда не было. Звонок не звенел. Никто меня не вызывал.

Интересно, значит, обезьяна обманула меня?

Я вышел из помещения, чтобы вернуться к Элен. Вдруг я услышал вопль. Издали я увидел, что молодая девушка закрыла лицо руками. В один миг я подбежал к ней. Между её пальцами сочилась кровь. В тревоге я спросил, что случилось.

Элен закрыла свои глаза от боли и ответила:

– Обезьяна исцарапала мне лицо!

Я сразу же побежал к врачу. Проводил Элен домой. Счастье, что её раны были незначительные.

В первый раз я рассердился на обезьяну. Пусть даже этот мой гнев будет последним. Войдя в дом, я увидел, что она залезла под стол и смотрела на меня сверкающим и довольным взглядом. Я взял толстую палку, стоявшую в углу. И начал сильно стучать. Она не испугалась, а, наверное, удивилась. Я не мог справиться со своим гневом, схватил её за загривок и быстро вышвырнул за дверь. Упав на землю, она посмотрела на меня таким взглядом, что... Я не могу забыть его до сих пор.

В ту ночь я слышал, что она звала меня и царапала дверь. Я не подавал голоса. На следующий день она исчезла.

Её не было три дня.

На третий день её принёс один крестьянин и сказал:

– Я нашёл её около воды среди родников.

Но какой? Вы можете себе представить? Слабой, больной, грязной, истощённой и жалкой... Она абсолютно ничего не ела четверо суток. Я дал ей её любимые орехи. Она даже не посмотрела на них... Закрыла свои глаза. Она начала реветь. Можно было подумать, что она плачет... Мой гнев совсем прошёл, и я начал жалеть этот ценный подарок. Я старался вернуть её к жизни и с трудом заставлял её есть.

Однако она упрямилась. Не ела. Не пила. Наконец через десять дней она умерла от голода.

Бедная и несчастная обезьянка приревновала меня и довела себя до смерти, находясь под воздействием моего поступка. Я хотел плакать от горя, из-за того, что с этого вре-

мени я уже совсем не услышу голос от лежащего напротив меня её скрюченного кроткого мертвого белого тела с белыми лапками, белыми ножками и белой головкой. Я как будто чувствовал её поглаживание моих волос. Её лапку, глядящую и ласкающую меня...

Через некоторое время священной памяти печальные события прошли. Я же до сих пор не узнал, что такое ревность. Я чувствую необыкновенную душевную боль, вспоминая помешательство этой обезьяны.

Некоторые необъяснимые чувства у животных сильнее, чем у людей! Например, упрямство ослов, преданность собак, неблагодарность кошек...

Интересно, относится ли ревность к таким чувствам?

Вилла с феями

Господин Сермет повернулся к стоявшему сзади сторожу и сказал:

– Вот ещё одна пустая вилла!

Перед маленьким сосновым бором очень сверкало, ослепляя газа, великолепное, как будто сделанное из мрамора, здание. Цветочные клумбы заросли сорной травой. На железной калитке сада висела большая табличка «Сдаётся в аренду». Сторож покачал головой:

– Проходи, господин, проходи!.. Туда Вам лучше не идти.

– Почему, мой дорогой?

– Возьмите в аренду дом, который я только что Вам показывал. Он маленький, но очень удачный. Кто там живёт, у всех рождаются мальчики.

– Как мы разместим двенадцать человек в пяти комнатах?! Давайте посмотрим здесь... Абсолютно нам подходит...

Сторож опять категорически возразил:

– Мой, господин, Вы не можете здесь оставаться...

Господин Сермет не мог оторвать своих глаз от виллы. С каждой его стороны были широкие балконы. Считалось, что они опираются на фундаменты. Они распластались, словно белая лежащая курица-наседка Немсе. Двадцать лет, с детства, господин Сермет мечтал именно о таком гнезде.

Он спросил с нервной торопливостью:

– Почему вы не хотите, чтобы мы здесь жили?

– Мой господин, в этой вилле обитают феи.

– Какие феи?

– Обыкновенные феи! Появляются ночью. Не дают покоя тем, кто находится в доме.

Господин Сермет был не из тех, кто поверит, пока не услышит собственным ухом или не увидит собственным глазом.

Он не принимал решение, не почувствовав что-то, что крепко-накрепко мог зажать в своей руке, или на его взгляд и слух является выдумкой. Все они вошли бы к нам внутрь из этих четырёх проходов обманным образом. Но рука... но осязание, он не даст себя обмануть. Он прибегнул бы к зрению и слуху, чтобы отразить атаки на наш мозг всех мифов и суеверий. Он рассмеялся и сказал:

– Феи не принесут нам вреда!

Сторож, будто услышав ругань, посмотрел в лицо господину Сермету:

– Все въезжающие так говорят, но больше месяца не задерживаются.

– Расскажи своей бабушке. Давай посмотрим здесь.

– Ключи у хозяина.

– А кто хозяин?

– Хозяин – господин Хаджи Ниязи. Он проживает вот в этой вилле рядом...

– Давай возьмём ключи.

– Ладно, но...

Они вернулись. Направились к старому дому, окрашенному в кирпично-красный цвет, у которого из-за густо растущих деревьев были видны только верхние этажи.

По дороге старый сторож рассказывал историю белой виллы. Въезжающие в это место жильцы в течение десяти лет не могли прожить более одного месяца. Сначала феи появлялись, потом они бросали очень большие камни, в конце приходили и разбивали стёкла, ночами не давали никакого покоя. Из жильцов двое умерли от сердечного удара, троих из домашних скрутило, одна женщина от страха родила шестимесячного ребёнка. Они прошли мимо пасущихся в тени миндальных деревьев овец. Открыли калитку виллы кирпичного цвета.

Господин Хаджи Ниязи был старым служащим по управлению имуществом мусульманской религиозной общины. Он начал добывать средства к существованию куплей-продажей домов, изъятых у организаций в качестве компенсации при провозглашении независимости. Однако он был очень порядочным человеком. Хотя он продавал в год, может быть, по сто домов, он, приехав из-за границы, не мог всучить тупому и неопытному клиенту свой собственный дом с феями и всегда говорил: «Я ничего не боюсь, кроме Аллаха!» Он совсем не скрывал, что на вилле обитают феи. Он сам открыл дверь и сказал, захотевшему осмотреть виллу, господину Сермету:

– Проходите, пожалуйста!

Он прошёл перед ними. Они вышли из сада. На улице господин Хаджи Ниязи вытащил один латунный ключ из кармана жёлтой мантии из грубой ткани. Открыл калитку в сад и сказал господину Сермету:

– Вилла также открывается этим ключом...

Они прошли. Сад действительно немного зарос. Они вернулись назад из-за запущенности сада и из-за того, что не смогли пройти ручей. Позади виллы был небольшой сосновый бор, который также был в тиши запустения. Сторож не стал входить в виллу и остался у двери. Господин Сермет вошёл внутрь вместе с владельцем дома. Об убранстве нечего было и говорить. Нижний этаж был весь мраморный. Хранилище для воды, ванна, колодец, курятник, конюшня... Всё было в порядке.

– Сколько стоит аренда?

– Мне много не надо. Сто восемьдесят лир в год. Но я хочу получить сразу за три года.

– Почему?

– Посмотрите, мой дорогой, почему: мои враги хотят, чтобы вилла осталась без арендатора, и рассказывают о феях. Кто бы ни пришёл, начинают рассказывать про фей. Наконец, арендаторы, которых мы встречаем, слышат ложь. Например, в середине зимы они потихоньку ушли, покинув виллу. Уходящие жильцы присоединяются к этой пропаганде, что ещё хуже. Если так будет продолжаться ещё два года,

то я не смогу ни продать, ни сдать в аренду свою недвижимость.

Господин Сермет сказал:

– Действительно, до настоящего времени совсем никого...

– Но вселяющимся жильцам достаточно слов соседей.

Они совсем не остаются. Пугаются и сбегают.

– Я не боюсь.

– Слава Богу.

– Однако, оплата вперёд за три года, это тяжело.

– Что мне делать, дорогой мой. Это дело мне испортило много крови. Как хотите...

Господину Сермету больно уж понравилась эта вилла. К тому же арендная плата дешёвая. Сейчас с него просят сто пятьдесят лир в год за трёхкомнатную хижину.

В тот же день они подписали договор аренды. Было передано пятьсот сорок лир за три года аренды. После того, как господин Сермет вышел из дома господина Хаджи Ниязи, он отправился к сторожу и выписал ему чек на двадцать пять лир в качестве вознаграждения. Сторож сказал:

– Мне жаль ваших денег, вы не то что три года, но и трёх месяцев здесь не проживёте.

– Увидим.

– Вы увидите это. Господин Хаджи брал предоплату за три года со всех жильцов, но ни один из них не мог прожить и одно лето. Деньги, которые они отдали, пропали.

Через неделю господин Сермет с многочисленной семьёй

перебрался на виллу. Он обладал настоящим вкусом. Каждую ночь он проводил за весёлой болтовнёй, с хорошим настроением ел и пил. С ним всегда находились женщина и мужчина из родственников и четыре-пять гостей. Господин Сермет был турком. Однако следовал правилу европейцев: «Днём мучения, ночью развлечения».

Дети пошли в школу. Дочерей он устроил секретарями в большой торговый дом. Свою жену он определил в женскую школу, где она стала давать уроки фортепиано. Только его семидесятипятилетняя мать осталась работать по дому, а также присматривать за кухней, прислугой и т. д. После еды близкой к полуночи за столом совсем не сидели, а сразу шли спать. С тех пор не прошло и пятнадцати дней, как однажды ночью с нижнего этажа донёсся страшный крик. Служанка Артемисья побежала наверх, крича во весь голос. Она сообщила, что что-то белое прогуливалось среди сосен позади виллы. Ей сказали:

– Тебе это показалось!

Они не поверили также другой прислуге, видевшей это. Вся челядь и дети вышли на задний балкон дома. Они увидели белое привидение, там, куда Артемисья показывала пальцем. Оно стояло внизу деревьев и как будто смотрело на виллу. Господин Сермет потёр свои глаза и сказал:

– Подумать только! Посмотрите на силу внушения!

Его жена, дочери и дети побледнели от страха. Старшая дочь сказала:

– Какое внушение папа! Это то, что ты видишь напротив нас?

– Вижу.

– Слушай, в таком случае, что означает внушение?

– Разве мы слышали что-то, кроме сказок о феях, когда въезжали сюда? Все приезжающие жильцы что-то говорили. Сейчас все мы видим это привидение под этим влиянием.

– Но это невозможно.

– Почему нет?

Господин Сермет рассказал, что кто-то ошибочно представлял всему театральному народу, какой был аферист Казанова. Он сказал, что видит ложь, входящую в наши глаза и уши, однако то, что мы видим, не распространяется на наши руки. Привидение быстро исчезнет. Потом он встал. Не слушая возражений своей жены, он выскочил в сад, чтобы своими руками прогнать видимое привидение. Он направился в сосновый бор. Однако привидение убежало. Исчезло. В ту ночь никто в доме не смог заснуть, кроме господина Сермета.

Отныне каждую ночь они видели это привидение. Когда господин Сермет выходил, чтобы схватить его руками, привидение убежало. Понемногу они, похоже, к этому привыкли. Однако, однажды ночью, когда все спали, ужасный удар потряс виллу. Все выбежали на балкон. Но не могли ничего увидеть. Утром они обнаружили огромный камень в глубине столовой. Мать господина Сермета начала говорить:

– Моё право не простить тебя, если ты не заберёшь нас из этой виллы. Жить два месяца за пятьсот сорок лир... Это не то, что не подойдёт господину Сермету. Но ночью чрезмерно большие камни не дадут спать домашним. Они все-таки во всех беспокоят. С каждым появлением привидения, господин Сермет не может прогнать его своими руками. Соседи, услышавшие о камне, сказали, что «если вы не уедете, то привидение также разобьёт ваши окна». Господин Сермет, вспоминая статью договора «все ремонтные работы производятся за счёт арендатора», ещё больше расстроился. Он думал, что делать до того, как в его окружающий мир проникнут эти осколки стекла.

Постепенно вера в себя начала нарушаться. Наконец они решили уехать. Однако они не могли найти другого дома. Они слышали больше тысячи рассказов об этой вилле. По их словам в старые времена на этом месте было кладбище. На месте кухни пятьсот лет лежали святые мощи... Господин Сермет несмотря на брошенные камни и разбитые стёкла, до сих пор не верил в фей. Эта фея всегда убегала в сосновый бор, там проваливалась, как сквозь землю. Однажды господин Сермет придумал спрятаться в сосновом бору, вдруг внезапно выйти перед феей или схватить её руками, подкравшись сзади. Он не получил согласия в этом от своих домашних: «Он там же на тебя и набросится!», – говорили они. Однако господин Сермет, несмотря на то, что его душа была не на месте, не верил в разных фей, злых духов и про-

чье.

На следующую ночь он пошёл в лесок. Он притаился под одной из нижних веток большой сосны. Он ждал долго. Наступила полночь. Обитатели виллы из любопытства не могли уснуть. Они смотрели, на то, что происходит с несчастного балкона. Вдруг его сердце забилося. Привидение выросло, как из-под земли.

Хотя он абсолютно точно знал, что привидение скроется, испарившись, как только он коснётся рукой тени, колени господина Сермета начали трястись. Он подумал про себя: «Я не боюсь, но моё тело боится!» Он потихоньку отпрянул вниз и пошёл за спиной привидения. Линии формы привидения просматривались очень отчётливо. Привидение совсем не слышало, как он приблизился. Он медленно протянул руки и дотронулся до белого тела. Привидение вдруг очень сильно испугалось. Но не исчезло. Повернулось. И увидев господина Сермета, начало убежать что есть мочи.

Господин Сермет сразу понял, что это не была какая-то воображаемая фея, которая исчезла бы после его прикосновения. Прежде всего, он не отстал и стал её преследовать. Он с силой схватил фею, когда она забиралась на доску, упёртую в низкий забор в конце соснового бора. Господин Сермет перестал дрожать, когда понял, что от привидения не будет вреда.

Он взвалил на спину несчастное привидение и сказал – Сейчас я с народом покажу тебе, как шутить!

Господин Сермет притащил привидение прямо к вилле и крикнул.

– Принесите лампу, давайте посмотрим на эту физиономию.

Домочадцы спустились к садовой калитке.

– Человекообразная скотина! Разве я не говорил, что во всём мире нет никаких злых духов?

Привидение ни за что не хотело снимать со своей головы белую простыню. Господин Сермет стянул её с большим трудом. Они поразились, увидев запутавшегося в своих белых усах господина Хаджи Ниязи. Бедняга прикрывал лицо своими руками, чтобы его не было видно. На его спине порвалась ночная рубашка из шамской материи.

Господин Сермет расхохотался.

Дочери, дети и прислуга пришли в замешательство. Бабушка спросила:

– Господин, почему ты сходишь с ума, заставляя бояться истинных мусульман?

Господин Сермет ответил:

– Я знаю причину этого!

Потом он сказал старшей дочери быстро принести договор аренды, находящийся в кабинете, а также чернильницу и перо. Господин Хаджи Ниязи, как будто застыл, на задаваемые вопросы не отвечал, а лицо прятал в темноту. Когда принесли договор аренды, перо и чернильницу, господин Сермет сказал:

– Давай бери перо в руку!.. Пиши то, что я скажу, если ты не хочешь понести наказание за аборты и инфаркты, и поставь подпись!

Господин Хаджи Ниязи механическим движением схватил перо и без раздумий написал слово в слово то, что диктовал господин Сермет:

– Я получил от арендатора господина Сермета авансом арендную плату за шесть лет в размере одной тысячи восьмидесяти лир. Вот так!

Он поставил подпись и пошёл в сторону, в которой скрывался каждую ночь. Этот путь он проделал, завернувшись наполовину в белую простыню.

Все вокруг удивились, что господин Хаджи Ниязи дал возможность жить господину Сермету на вилле два года. Когда соседи говорили господину Хаджи Ниязи:

– Вероятно, ваши злые духи переселились в другой особняк. Не похоже на то, что новые арендаторы будут съезжать!

Хаджи Ниязи сначала бледнел, потом краснел, и бормотал в ответ:

– Ни омовение, ни пост, ни намаз, ни молитвы... Жёны, мужи, многочисленные дети так ужасно ведут себя с утра до вечера! Нет на них злого духа. Даже чёрт не может здесь появиться!

Благодетель

Эпиграф

*«Зависть – это гвоздь в куляхе (головном уборе)
человека.*

*Кулак после удара в голову не входит...»
Албанские пословицы*

Какая была прекрасная погода в прошедшие дни! Мы прибыли в Хюрриет Тепе вместе с Логарифмом-Хасаном и проехали до Бомонти. С высоты мы увидели всё ещё не проснувшийся от зимней спячки и покрытый туманом Каатхане, голубой и сонный пролив Золотой Рог. Хасан начал сразу же делиться своими познаниями о Лале Деври. Он начал рассказывать, что не мог понять рассудком, который к тому же был раздроблен на мелкие кусочки, почему заранее были допущены сорок два восстания (имеется в виду восстания вице-адмирала Халилия в 1730 году), и отсутствовал план действий гвардии при дворе султана. Из этого плана не была известна даже численность войска зятя Ибрагима Паши.

Я сказал:

– Мой учитель, не обращайтесь внимания на то, что прошло! Интересно, этим летом мы можем здесь приятно провести время?

– В Каатхане?

– Да.

Он поднял начавшие сесть густые брови. Блестящие чёрные глаза словно из глубины вышли наружу. Он покачал тяжёлой головой, выглядевшей ещё больше из-под маленькой бесформенной фески, и сказал:

– Ты сошёл с ума!

– Почему?

– Послушай-ка, в прежние времена один ягнёнок был дороже десяти луковиц тюльпанов.

Десять лет назад Хасан был моим учителем математики. После моего окончания школы он стал моим другом. Сейчас, когда я разговариваю с ним, то ощущаю сладкий вкус, похожий на удовольствие, «наполовину эстетический, наполовину геометрический», который мы чувствуем напротив удивительных табличек, выполненных в стиле кубизма. В его взгляде всё было ясно: прошлое, настоящее, будущее... Он не переносил неизвестности. С математической логикой он сразу решал самые запутанные и сложные вопросы. Он выносил приговор твёрдо, как «дважды два – четыре». Потом, он в то же самое время был невыносимым наставником... Если вы спросите почему, то он найдёт для вас или вашего оппонента по спору, единственный понятный способ, касающийся жизни. В форме нравоучения он выведет единственный верный принцип. Один единственный. Между тем, на его взгляд вся жизнь – это ошибка! Потому что в природе нет места для его системы мышления. В природе нет места

находящимся в его голове мыслям, расчётам и цифрам!

Вместе с этим мне нравились его мысли, которые выглядели очень необычно. Мне доставляло большое удовольствие наблюдать его абстрактные представления, которые висели на волоске, как бы «повисшие в воздухе», вопреки здравому смыслу. Сегодня он говорит, что англичане не знают «четыре арифметических действия». Все ошибочные расчёты являются причиной, затягивающей борьбу! Время от времени я вдыхал запах чистого воздуха, ощущая свежесть, как будто протестующий ветер дул по пустынной просматриваемой нами дороге. Мы увидели едущий на нас автомобиль и отошли на обочину дороги. Машина была роскошная, чёрная и блестящая, словно большое ожившее фортепиано. Она быстро проехала рядом с нами. За хрустальными стёклами застыли, как привидения, очень похожие лица красивой женщины и молодого мужчины. Потом был острый запах бензина... Сзади нас послышался голос:

– Господин Хасан!

Мы оба одновременно повернулись.

Автомобиль остановился. Молодой брюнет с остроконечными усами радостно бежал по направлению к нам. У меня не было времени спросить кто это. Он словно загипнотизировал меня изяществом чёрного пальто и блеском дорогого воротника из меха выдры. Он подошёл, схватил руки Хасана и пожал, обхватив их двумя руками.

– Как поживаете, мой благодетель?

– Очень хорошо...

– Что Вы здесь ищете?

– Вот, дышим немного свежим воздухом...

Я был удивлён и подумал вдруг, как Логарифм, в своём полинявшем коричневом пальто, может быть благодетелем этого молодого человека.

– Так смог ли ты сделать один миллион?

– Ей-Богу, не смог...

– Слушай, а сейчас-то, сколько у тебя?

– Ей-Богу, пустяки... четыреста тысяч лир.

Я не мог поверить своим ушам. Хасан, выглядевший угловатым, сотрясаясь от смеха, но хладнокровно сказал:

– Работай, ещё больше работай!

– Я буду стараться. Вы мой благодетель. Я буду благодарен Вам до самой смерти.

– Упаси, Боже.

– Видит Бог, я говорю об этом везде и каждому. Если бы Вы меня не надоумили, я бы продолжал жить по-старому.

– Мой дорогой. Так было угодно судьбе! Я дал тебе совет вместо денег. Я сказал одно слово. Что получилось из одного слова?

– Слово одно, но слово святого покровителя...

Я остолбенел от удивления. У меня отнялся язык. В заднем окне впереди стоящего автомобиля я заметил женское изображение, которое шевелилось, когда я слушал разговор шикарного молодого человека и Логарифма. Женщина бы-

ла обручена с ним. Тот кого он спрашивал, как дела, был из самой знатной, самой благородной, самой древней семьи Стамбула. Он купил автомобиль за три тысячи лир... Я молчал и смотрел.

Его рост был ниже среднего. Или так казалось из-за его полноты. Когда он засмеялся, мне в глаза бросились платиновые пломбы его коренных зубов. Смуглокожий и очень спокойный, он сиял своей свежестью, как каждый достигший благополучия богач. Хотя под его тонкими волосами внутри его смеющихся глаз не было блеска большого ума. К тому же он был полным и тупоносым... Он не оставлял сомнений в том, что был полон решимости барана, когда тот бодал своего хозяина. Он распрощался с Хасаном. Кивнул мне головой. Быстро прошёл к ожидавшему его автомобилю. Мы смотрели сзади. Я до сих пор не мог собраться и хоть что-то спросить. Автомобиль сорвался с места с большим рёвом. Я спросил:

– Кто это? Как ты можешь быть покровителем человека, который имеет четыреста тысяч лир?

Он рассмеялся:

– Давай я расскажу тебе.

Опять мы очень медленно побрели по пустынному шоссе.

В жизни, также как и в математике, есть некоторые общеизвестные аксиомы. Кому-то не нравится, когда нет сомнений в истинности. Например «если каждый сам видит своё дело, не остаётся никакой нужды в ком-то другом!». Я умо-

лял его сказать, кто был этот богач:

– Ради любви к Аллаху, расскажи тайну.

– Я расскажу тебе об этом.

– Давай же, расскажи.

– Этот молодой человек был моим слугой, когда я был в Селянике.

Я остановился и сделал шаг назад.

– Твоим слугой?!

Я даже выкрикнул это. Шагая и держа руки за спиной, Логарифм, как всегда хладнокровно ответил:

– Да, моим слугой. После Балканской войны я прибыл в Измир. Ещё через год я переехал в Стамбул. Однажды я оказался перед гостиницей Месеррет. Вдруг я увидел как Ахмет бросился ко мне и взял мои руки, чтобы поцеловать. Я спросил: «Чем ты занимаешься?» Он ответил: «Ничем, я безработный». Потом он стыдливо попросил у меня серебряную монету в двадцать курушей. Я спросил, зачем и на что ему деньги. Он ответил: «Ей-Богу я не ел два дня, дай мне хотя бы пять курушей. Я сегодня наемся». Тогда я подумал. Этот ребёнок, подобно многим эмигрантам, стал бродягой. Я подробно расспросил его о жизни. Я спросил его: «Два дня назад у тебя были деньги, чтобы набить желудок?». Он ответил: «Да». Я спросил, почему он не подумал два дня назад, что через день он останется голодным. Он ничего не ответил и смотрел себе под ноги. Тогда я напомнил ему о Котоне.

Я спросил:

– Кто такой Котон?

– Котон – это имя моей маленькой собаки из Селяника...

У этой собаки был самый ясный, самый сильный характер с «тревогой о будущем». Она не съедала одну из пяти косточек, которую ей давали, а закапывала на клумбе в саду и хранила. Да, даже в самые изобильные, самые радостные времена она всегда думала о «завтрашнем дне», не упуская из ума возможности того, что мы не сможем ей ничего дать «завтра». Чтобы спрятать косточку, она портила клумбу и цветы. Мы сильно колотили и ругали её, но всё равно никак не могли заставить её отказаться от этой тревоги. Я спросил Ахмета: «У тебя не было такого же предчувствия, как у Котона?» Он смутился, ещё больше склонил голову и смотрел под ноги. Я вытащил свою карточку из кармана. В Эйюпе у меня был друг в дирекции верёвочной фабрики. Я написал ему рекомендацию и сказал: «Возьми эту записку и отнеси. Работай, зарабатывай деньги, кушай... И не бери ни у кого денег!» Он поблагодарил, но опять не отходил от меня: «Дай мне хотя бы два куруша. Сегодня я куплю себе хлеб с сыром. А то я умру с голода». Я собрался дать ему немного денег и полез рукой в карман.

Вдруг я подумал, что сломаю этим ненужным милосердием сильную волю молодого человека. Да, помощь, сделанная с исключительным милосердием, чиста, кроме преступления. Это означает, что мы подвергли сомнению его волю и решимость, если мы помогаем, «не давая взамен ува-

жение», жалея кого-то. Я быстро вытащил руку из кармана. «Поворачивай отсюда, выйди на улицу идущую налево. Пройди немного. Там есть гостиница „Косово“. Владелец – мой друг. Передай от меня привет и скажи: „Я готов сейчас же вымести и вымыть всю гостиницу. Я вычищу все туалеты. Дайте мне пять курушей“. Возможно, он согласится на эту сделку. Если не согласится, то я буду в Валде Кыратхане. Приходи. Найди меня. Я найду тебе другую работу, которая принесёт тебе деньги на хлеб». Он не смог отказаться. По его лицу было ясно, что он голоден. Под его глазами были очень тёмные круги. Губы были очень белыми. Он выглядел близким к обмороку. Я прождал его в Валде Кыратхане полчаса. Он не пришёл.

Я столкнулся с ним шесть дней спустя. Он сразу взял мои руки, поцеловал их и сказал: «Если бы тогда Вы дали мне деньги на хлеб, то я не пошёл бы на фабрику. Вы заставили меня делать тяжёлую работу и научили меня стараться. Я очень Вас благодарю за это!» Он рассказал, что получал по пол лиры в день, стал большим мастером и быстро получил повышение по службе. Стал большим специалистом. Я объяснил ему это. Только для прозрения его воли ему надлежало объяснить эти азы. При каждой нашей встрече я видел, что он ещё больше изменялся, больше умнел, больше здоровел и полнел. Потом он стал компаньоном одного богача, приобретя уважение окружающих людей. Открыл фабрику фланелевых чулок. Вскоре он стал подрядчиком разнообраз-

ных управлений. В работе он был сама прямота и честность. Он даже не возгордился после того, как стал богатым... Сейчас, где бы он меня не увидел, сразу бежит ко мне и называет «благодетелем». Он никогда не забывает, что получил от меня заряд решимости, который стал основой его капитала...

Деревья без листьев в Хюрриет Тепе, к которому мы постепенно приблизились, выглядели, как тени уродливых чёрных грустных скелетов, которые заставляли вспомнить о далёких голодных кошмарах. Я чувствовал, что был смущён под горами невидимой обрушившейся твёрдой скалы в моей груди, когда я слышал мудрость геометрии, когда Логарифм говорил по поводу решимости, воли, чисел и счета. Не знаю почему, но мне было горько видеть, как Ахмет, не получивший образования в рюштие (средняя школа в султанской Турции), босоногим и стриженным подростком-слугой от профессии рабочего-специалиста по изготовлению веревок дослужился до должности мастера. От должности мастера перешёл к управляющей должности на фабрике, от должности на фабрике добился должности подрядчика и уже от должности подрядчика переезжает на автомобиле к положению миллионера. Может быть, я ревновал?

Да разве я ревновал? Но почему? Самые знаменитые и великие промышленные короли Америки разве не начинали с работы в десять долларов? Ревность расстроила мои чувства, мои мысли, мои суждения. Я был жалок, как тощая кошка, облизывающаяся напротив печёнки, к которой она

тянулась, но ей говорили «брысь!». Я не мог сдержать себя. Я сделал кислую мину с презрением, как будто я не придавал никакого значения этому количеству денег, этому богатству, покачал головой и сказал:

– Вот новый богач...

Логарифм остановился. Широко открыл свои глубокие чёрные глаза и рассмеялся:

– Какой он?? Он тебе не нравится? Отбрось сомнения. Это богатство! Это не вино, дитя моё. Богатство такое же старое, как и новое.

Подстриженные усы

Как было сказано Дарвином, необходимо верить словам человека. Да. Люди, безусловно, произошли от обезьяны! Потому что, если мы что-то увидим, то сразу же начинаем подражать сидению, вставанию, питью, хождению, итак любой вещи...

Сколько людей, когда в этом нет никакой необходимости, надевают моно очки, которые мы называем «монокль». Дело в том, что у портного они просматривают рисунки моды в альбомах с единственным словарём.

Что за... Не будем затягивать разговор. Я также один из подражателей. Я делаю любую моду. Шесть-семь лет тому назад я видел, что каждый американец подстригает свои усы, вы конечно догадываетесь, что я тоже сразу стал подстригать их. Ох, да, я также заставляю себя подстричься. Действительно, как и желал Дарвин, я был похож на своего предка.

Однако первое время мне было так стыдно, что не могу вам объяснить. Особенно первые дни, чтобы не встречать какого-нибудь товарища, я задворками приходил домой. Приёмная дочь, открыв мне дверь и увидев меня в таком виде, ужасно заорала. Она с криком убежала, как в большом волнении кобылица, увидевшая волка. Я, толкнув дверь, прошёл наверх. Свинья-девчонка, кто знает, что она наговорила моей матери. Ко мне в комнату вошла моя мама. Я прикры-

вал рукой рот и не показывал свои усы, как будто у меня болели зубы. Она сказала:

– Ах, низкий негодник! Ты уже не мой сын!

Она плакала и кричала. Бескровные несчастные руки тряслись от ужасного биения её сердца. Глубокие-преглубокие всхлипы сотрясали её грудь. Моя голова задрожала, и я спросил:

– Почему, моя мамочка?

Она простонала:

– Почему? Где же твои усы?

– Почему подрезав усы, я стал низкий и негодник?

Моя мама ещё больше заплакала, ещё больше начала рыдать и сказала:

– Ты полагаешь, что ты не понимаешь меня? Усы подрезают безбожники. Значит ты тоже безбожник! Пусть молоко, которым я тебя кормила, не пойдёт тебе впрок! Ох, значит, ты тоже стал безбожником, а мы и не знали!..

Несмотря на то, что этот скандал шёл от её абсолютно поражаемого лица, от того, что бы я ещё не сообщил, не имело бы никакого значения, даже если бы я попытался дать объяснение сделанному поступку. Моя мама ещё больше расплакалась. Она не верила моим словам. Я сильно пожалел, когда она хлёстко сказала:

– Лучше бы я родила камни, чем тебя!

Разве мой отец не приходит точно в этот момент?.. Приёмная дочь сообщила о состоянии моих усов также и ему. Я

задрожал, когда увидел его, вышедшего из оставшейся приоткрытой двери сверху вместе с толстой тростью. Если бы я сказал, что не боялся, то я бы соврал. Я понял, что погиб. Мой отец быстро вошёл внутрь помещения. Я до сих пор держал руки, прикрывая свои усы. Размахивая в воздухе тростью, он закричал:

– Раскрой свои руки, я посмотрю!

Дело уже осложнилось. Я сразу выдумал одну ложь:

– Мой папочка, когда я сегодня зажигал свою сигарету, то случайно поджёг с одной стороны мои усы... Поэтому я их подстриг. Но у нашего старика не был взгляд хаджи. Он сказал:

– Ты меня не проведёшь, стало быть, улицы переполнены щёголями, и у них всех усы обожжены спичкой?

Я молчал. Не отвечал.

Мой отец открыл рот и зажмурил глаза...

Он растерялся от того, что я собрался сделать, отвечая на гнев моего отца. Я высказал: «лучше бы я отрезал себе голову, чем усы!» Мой отец сказал своё последнее слово: он отверг меня и выгнал из дома.

– Немедленно убирайся! Ещё раз берегись, я приду сюда... Потому что на место его усов, если он уйдёт, его совесть не придёт...

Что мне делать? Хочешь, не хочешь, но я ушёл. У меня не было места куда уйти. Я вспомнил про своего товарища из Топкапы. Я подумал, что «по крайней мере приду и буду

ему гостем».

Я шёл прямо по трамвайному пути. На углу я встретил своих товарищей по спорту. Заметив меня, они закричали:

– Бонжур, бонжур! Вот сейчас ты похож на человека... Какие у тебя были длинные густые усы?.. Ты был, как отец янычара, поднявшийся из могилы!..

Я не передал им ни ответа, ни привета. Я ушёл. Эти господа были очень рады видеть меня в добром здравии и одобряли моё несчастье, как его истолковывали мои мама и отец.

Я сел на трамвай до Топкапы. Внутри его было мало людей. Я прислонился к одной стороне, чувствуя себя виноватым. Седобородый ходжа в чалме из грубой шерсти подошёл и сел рядом со мной. Я купил билет. Время от времени я посматривал из окна трамвая. Я скользнул глазом по ходже. Посмотрел внимательно. Он смотрел на меня сурово... Моё сердце ёкнуло. Я подумал «как бы он тоже не стал ругаться из-за моих усов». Постепенно моё сердцебиение усиливалось. Я захотел встать и выйти наружу. Приготовился. Ходжа улыбнулся и сказал:

– Сын мой, благодарю вас! Вы друг!

Теперь на смену моему волнению пришло изумление, и я спросил:

– Почему, мой господин?

Он ответил:

– Для нас большая гордость видеть таких элегантных обрешанных молодых людей, как вы.

Ходжа рассмеялся и пояснил:

– Вот вы, сын мой, заставили себя подстричь усы. Разве это не священное обрезание?

Любовь и пальцы на ногах

1

Письмо Хасану от Асимы

«Вначале ты любил меня, ты умолял, ты сгорал от любви, моя любовь была слабым ответом твоему неистовству. Наконец, ты взял меня.

Я была богатой. У меня были лошадь и коляска. Все сегодняшние молодые люди были влюблены в меня. Ты достиг того, что хотел каждый. Ты был счастлив. Я была верна тебе. Что потом случилось? Ты вдруг изменился. Ты охладел ко мне. Ты избегал меня, теперь, наконец, ты расстался со мной. Получив это письмо, не думай, что я тебя умоляю. Однако мне интересно! Почему ты не любишь меня? Со мной что-то произошло? Или нет? Ещё в этом году я была первой в конкурсе красоты среди женщин Кадикёя. У меня образование первого уровня... Я также богата. В таком случае, почему ты не любишь меня? Если даже ты найдёшь красивее меня, то я уверена, что ты не сможешь найти богаче меня. В таком случае почему, почему я тебе не нужна?»

Асима

2 Письмо госпоже Асимае от Хасана

Да, красавица, я любил тебя. Однако, что значит любить? Знаешь ли ты это?... Для каждого человека любовь различна. Это как наблюдения совершенно различных естественных

характеров... Кто-то смотрит в глаза другого, иной на кожу. Некоторые смотрят на руки и ноги, кто-то на полноту или худобу, кто-то на рост, кто-то на бёдра. Однако, я... я смотрю на профиль... Ещё со школы у меня есть привычка: когда я разговариваю с кем-то, я придаю значение тому, какой у кого профиль. Например, когда я разговариваю с человеком, у которого профиль маленький, то я отождествляю его слова с лаяньем. Сколько есть человек в мире, у них всех есть профили животных.

Когда я прохожу через мост или сижу перед толпой в казино, я обращаю внимание на лица людей. Я ещё никого не встречал без профиля. Все люди входили в свои образа, люди надевали маски зверей... Одно стадо – собака, бык, коза, аист, лошадь, осёл, сова, орёл, курица, попугай, пчела, голубь, ворона, рыба, медведь, гусь, тигр – Божьи твари... Когда я был маленький, то с наивным и невинным интересом изучал теории физиогномики, они настолько повлияли на моё воображение, что я сам захотел побывать внутри альбома, иллюстрирующего басни Лафонтена. Например, приходит мой друг, я разочек взгляну на него: высокая красная феска, пёстрый костюм, блестящий галстук... Острый кончик носа... Пухлые руки подняты... Любитель поспорить, смелый... Посмотрев со стороны, что он собой представляет, я говорю про себя:

– Ох, вот это – петух...

Он подходит, держит мою руку, я смотрю на его феску,

похожую на розовый гребешок, на его красное лицо. У него резкий голос с долгими нотами. Как будто он непрерывно поёт. После его ухода я встречаю другого человека. У него широкие челюсть и рот. У него кривые ноги. Тихонько говорит и смеётся, растягивая свои щёки. Я говорю:

– Утка, утка...

Я получаю удовольствие от своего открытия, успокоенный, ищу его крылья и хвост, я даже их нахожу наверху. В моей памяти есть профили известных людей, великих писателей, министров, депутатов, больших чиновников. Вследствие того, что я знаю их профили, я говорю слово в слово каждому, что они будут делать, на должностях новых министров. Вдобавок мои друзья говорят мне:

– Ты пришёл из прошлого, может ты был пророком...

Они думают, что я чудотворец. Нет, я всего лишь распознаю профили. Человек с ослиным профилем непременно ведёт себя, как осёл. Человек с львиным профилем непременно ведёт себя, как лев. Если в человеке есть какой-то профиль животного, то непременно он имеет нрав того же животного. Человек с профилем быка никогда не может хитрить, плутовать и быть проницательным. Имеющий профиль осла упрямый, стойкий, с благородными мыслями; с профилем собаки – производит шум, показывает зубы; с профилем тигра – давит и не знает жалости; с профилем попугая – не останавливается, подражает; с профилем голубя – не стоит на месте, играет в любовной и мелодраматической коме-

дии. С профилем лисы – всех обманывает. С профилем свиньи – ест, пьёт, веселится.

Женщины, так же, как и все мужчины, есть не что иное, как животные. У них также непременно есть профили животных. Полная, с большими грудями, погружённая в раздумье и степенная женщина, в полной мере корова. Женщина худая, вздорная, смуглая, некрасивая, но с красивыми глазами – коза. Самые красивые желтоголовые корольки, канарейки имеют профили курицы. Ни один из этих трёх профилей Вам не подходит.

Это было прошлым летом. В первый раз мы встретились друг с другом в Фенере. Я сразу же стал искать Ваш профиль, но не смог найти.

Я говорил:

– Ох, интересно было бы узнать, какой он?

Всматриваясь в твоё лицо и не находя профиль, я начал влюбляться в тебя. Поскольку у тебя не было профиля животного. Как у других людей, женщин, у тебя не было никакого профиля, никакого нрава животного, никаких инстинктов животного тоже не было. С некоторым сомнением я снова сказал:

– Я обманываюсь, у неё также есть профиль, но я не вижу его, я не распознаю его...

До нашего бракосочетания, в дни любви, у меня были очень долгие погружения в твоё лицо, я полагал, что возможны любовные кризисы. Нет. Я постоянно ищу твой про-

филь, но не могу определить, на кого ты похожа. Я любил тебя, когда не мог найти твой профиль. Вероятно ты меня тоже... С каким удовольствием мы прожили шесть месяцев. Разумеется, ты помнишь.

Но однажды утром... Ох, если бы я не встал раньше тебя... Встав рано, я сел у окна. Ты всё ещё спала. Я сказал:

– Это что за лень...

Ты поднялась, оделась, присела на своей кровати. Погода была немного прохладной. Растопленная печь ещё не нагрела комнату. Вдруг моё сердце начало сильно биться. Я как будто задыхался. Ты держала один из твоих лиловых чулок, упавших на твои туфли, пальцами твоей правой ноги. Ты подняла его наверх и одела, сидя на кровати. Для того чтобы поднять с места другой чулок, ты вытянула свою левую ногу. Я отвернулся, чтобы не смотреть. Да, красавица, ты пользовалась пальцами своих ног так же, как пальцами рук.

Я говорил:

– В середине двадцатого века, через сто тысяч лет после возникновения человека или эволюции...

...

Я дрожал. Я был болен. Ты не могла понять, что случилось, от удара, уложившего меня на месте. Когда мы лежали, ты потянула, держа пальцами своих ног, смявшуюся рубашку. Приняв её, я опять начал дрожать и сжимать свои зубы. Ты опять не поняла и сказала:

– Вероятно погода холодная, ты замёрз, вот...

Снова однажды утром ты сидела в кресле перед печкой. На твоих ногах не было чулок. Опять моё сердце сильно забилось. Пальцами ног ты открыла заслонку ещё не разогретой печки, ты полежала, не шелохнувшись, опять схватила заслонку. Потом опять пальцами ног ты играла с любимой кошкой. Ты ещё не надела свои чулки. Моё сердце затрепетало. Однако я стиснул зубы. Я увидел, что пальцы на твоих ногах длинные. Собственно говоря, они немного длиннее. Этими длинными пальцами ты схватила кошку под лапы и подняла её, как маленького ребёнка. Ты просто пользовалась своими ногами, как руками, даже ещё лучше, чем руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.